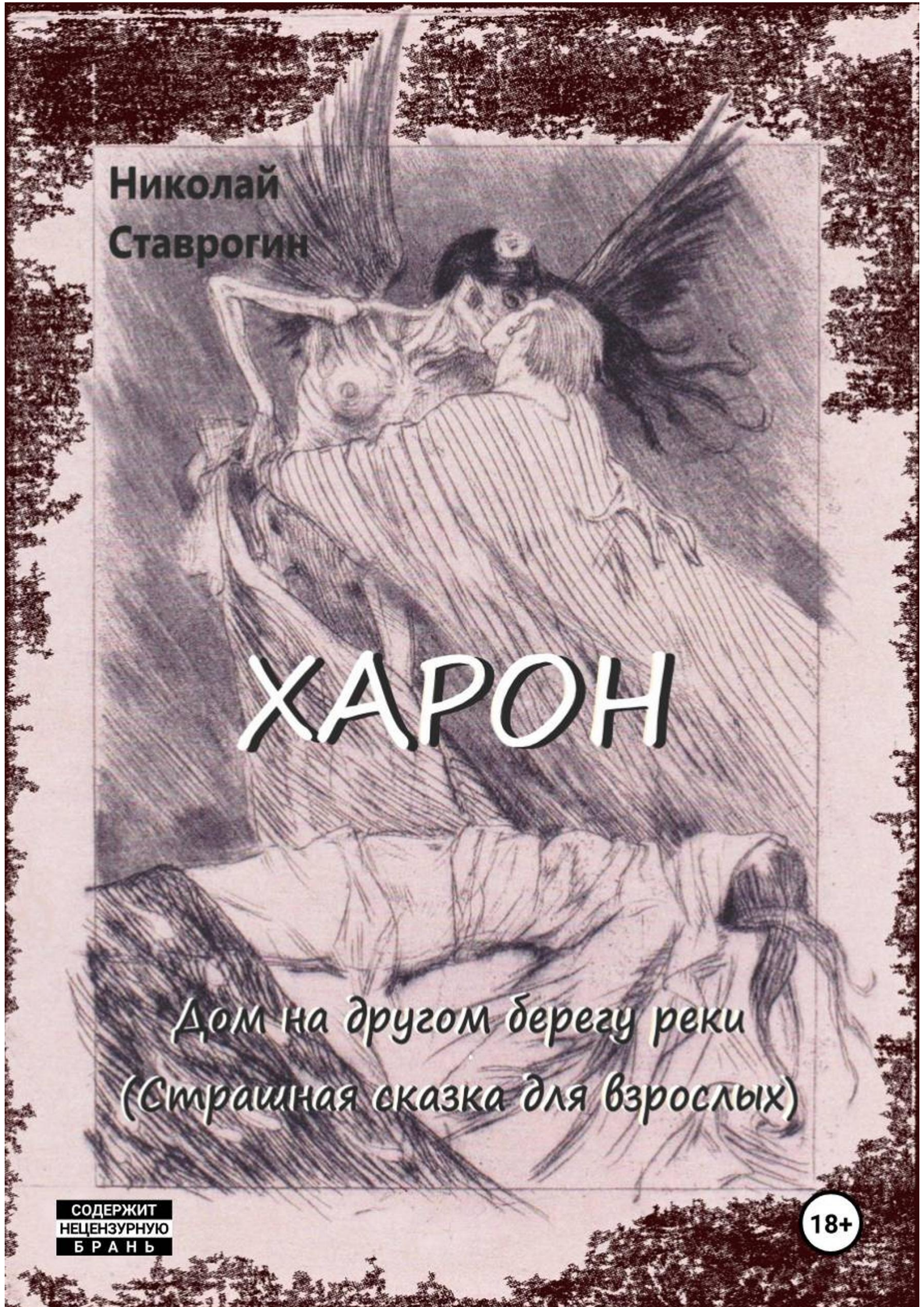

Николай
Ставрогин

ХАРОН

Дом на другом берегу реки
(Страшная сказка для взрослых)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Ставрогин

**Харон. Дом на другом берегу реки
(страшная сказка для взрослых)**

«Автор»

2026

Ставрогин Н.

Харон. Дом на другом берегу реки (страшная сказка для взрослых)
/ Н. Ставрогин — «Автор», 2026

«Харон. Дом на другом берегу реки (страшная сказка для взрослых)» — это действительно сказка, потому что в книге с вымышленным сюжетом вымышленные персонажи пытаются рассказать читателю невымышленную суть человеческого бытия и присутствия в мире Бога. А для взрослых, потому что, во-первых, в романе, как и должно быть в книге от Николая Ставрогина, присутствуют откровенные эротические сцены. Во-вторых, роман насквозь пропитан философией, связанной с жизнью и смертью, в частности с тибетской Книгой мертвых. В-третьих, это роман ужасов. Однако, каким бы "сказочным" ни был сюжет, при чтении данного произведения, не отпускает ощущение реальности происходящего на страницах книги. Возникает справедливый вопрос: "А это действительно выдуманная история или...?"

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Ставрогин

Харон. Дом на другом берегу реки

(страшная сказка для взрослых)

Глава

Николай Ставрогин

Харон. Дом на другом берегу реки. Страшная сказка для взрослых

Предисловие

Вот и третья книга написана! Долго же я к этому шел! Написать хотел, и идеи были, но никак все это не соединялось в единую конструкцию. Хотелось, чтобы роман был серьезным, но и от взятого на себя амплуа «эротическая мистика» тоже отходить не хотелось.

За отсутствием вдохновения начатый было роман «завис» почти на полтора года. За это время произошло много различных событий, из них одно для меня весьма грустное: ушла из этого мира моя любимая бабуля, и это напрямую повлияло на сюжет произведения.

Время шло, роман не клеился. В один прекрасный день мне посчастливилось увидеть по телевизору занимательный сюжет, в котором уважаемая кандидат исторических наук Светлана Жарникова рассказывала, за что ей огромное спасибо, о старославянских традициях и поверьях, в том числе о таком колоритном персонаже, как всем известный герой русских народных сказок Баба-Яга, которая оказалась не кем иным, как проводником человеческой души на тот свет – ангелом смерти. Сие открытие также существенно определило идею книги.

Весной 2012 г., борясь со страхом вновь потерпеть провал, я рискнул вновь взяться за написание книги и, о «всевышний Дед Мороз»! сюжет пошел. К осени 2013-го книга была написана, к тому же мною в лесу была обнаружена и зафиксирована на фотокамеру ужасная «болотная женщина», которую читатель может лицезреть на обложке книги.

Роман имеет весьма длинное название: «Харон, дом на другом берегу реки. Страшная сказка для взрослых». Более кратким названием было бы сложно передать суть книги. Сюжет романа сильно отличается от двух предыдущих, «Бесы, или Некоторые зарисовки из жизни порномоделей» и «Упыри, или Эротика в багровых тонах», своей более мрачной, скорее готической атмосферой, спасибо за это «My Dying Bride» с их альбомом «Evinta». «Харон, дом на другом берегу реки. Страшная сказка для взрослых» – это действительно сказка, потому что «сказка – ложь, да в ней намек». В книге с вымышленным сюжетом вымышленные персонажи пытаются рассказать читателю невымышленную суть человеческого бытия и присутствия в мире Бога. А для взрослых, потому что, во-первых, в романе, как и должно быть в книге от Николая Ставрогина, присутствуют откровенные эротические сцены. Во-вторых, роман насквозь пропитан философией, связанной с жизнью и смертью, в частности с тибетской Книгой мертвых. В-третьих, это роман ужасов.

Короче, дорогие друзья, не забивайте голову предисловием! Просто берите и читайте! Роман в отличие от могучего Толстовского романища «Война и мир» не такой уж и объемный, много времени не отнимет.

Как обычно, повторяюсь. Все имена и названия в произведении вымышлены, если кто-то, где-то и когда-то обнаружит некое сходство с кем-то или с чем-то, то это случайное совпадение.

С уважением,

Николай Ставрогин

В память о моей любимой бабушке Е. В. Штатовой

Хочу искренне поблагодарить Евгения Линда и Юлию Хюппенен за вклад в издание этой книги!

Кроме того, хотелось бы выразить признательность музыкантам группы «My Dying Bride» за их альбом «Evinta», а также Леониду Федорову за альбом «Весна», творчество коих послужило вдохновением и повлияло на создание данного романа!

1

Что за дом притих, погружен во мрак,

На семи лихих продувных ветрах...

В. С. Высоцкий «Дом»

Сон мне снится: вот те на, гроб среди квартиры.

В. С. Высоцкий «Мои похороны»

Наверняка у каждого человека, будь он беспощадным, но честным прокурором или же кровожадным убийцей-насильником, где-то в потаенном уголке души или, если хотите, сознания имеется заветная мечта. Заветное место, куда он без оглядки на все неотложные дела, недолго раздумывая, уехал бы и остался там, дабы, наконец, обрести духовный покой. Моральное удовлетворение.

Сейчас Евгений находился как раз в таком месте. Затаив дыхание смотрел он на противоположный крутой, но невысокий берег тихой реки, которая, словно гигантская змея, поблескивающая чешуйками кожи, сверкала своей водной гладью, протекая вдоль лесистых берегов. Восхищенного взгляда хватало всего метров на пятьсот вверх по течению и примерно столько же вниз. Извиваясь, река вытекала из-за крутого поворота слева и ниже по течению делала поворот вправо, неся спокойные темные воды в таинственную для Евгения даль.

Вдоль береговой линии тянулся величественный темный лес, практически вплотную подходящий к береговому откосу. Высокие темно-зеленые ели с толстыми шершавыми стволами царственно взмывали острыми макушками в самое небо, словно стремясь наделать в его нежно-голубом полотне дыр, дабы солнце в этот и без того ясный день смогло светить в дополнительные бреши. Будто бы пытаясь смягчить хвойную суровость колючих красавиц, промеж елей тут и там проглядывали белесые стволы берез, которые, весело играя нежной весенней листвой, словно молоденькие девчонки-хохотушки, к раздражению сурового преподавателя, не могут умолкнуть даже во время урока, при каждом дуновении бодрящего ветерка добавляли к несмолкаемому щебету птиц свою мелодию.

Именно таким представлял себе Евгений дремучий лес, так часто описываемый в русских народных сказках. Именно в таком уголке природы мечтал он побывать. Даже нельзя сказать, что мечтал буквально. Нет. Он мечтал, сам не зная об этом. Мечтал в дальней комнатке подсознания. Мечтал с детства. Ведь почти все мечты каждого человека берут свой старт именно в детстве, правда, к сожалению, не всегда остаются по-детски невинными.

На одном участке лес немного отступал от берега, и между песчаным береговым откосом и полосой деревьев оставалась свободная площадка, лужайка около ста квадратных метров. На этом месте стоял не менее сказочный, по крайней мере так казалось Евгению, одноэтажный дом, срубленный из толстых, потемневших от времени бревен.

Дом имел пять окон, обрамленных наличником, украшенным пропиленной резьбой, по два окна с правой и левой стороны и одно с торца, к лесу задом, с другого торца была прорублена дверь, которая выходила к реке. От крыльца дома к берегу реки, который как раз в этом месте переходил в узкую песчаную косу, вела узкая тропинка. Крышу, по старинке крытую деревянной дранкой, венчала кирпичная труба. Евгению казалось: вот-вот дверь отворится, и на пороге появятся три медведя. Ну или хотя бы Баба-Яга, хотя курьих ножек у дома не было.

Впечатление оказалось ненапряжным. К изумлению молодого человека, дверь дома действительно неспешно отворилась и на пороге, насколько Евгений мог рассмотреть издали, появилась изящная женская фигурка, одетая в светлую одежду, то ли платье, то ли сарафан. Фигурка постояла на пороге и, такое впечатление сложилось у нашего героя, тоже посмотрела в его сторону, ему даже почудилось, что она подняла руку и приветливо помахала ему. Евгений хотел было ответить ей таким же приветливым взмахом, но передумал и поднятой рукой лишь потер лоб.

Во-первых, странное чувство будто одернуло его, и чувство было непустым. Согласно неофициальной информации, которую он получил от знакомого агента по недвижимости, а тот от местных жителей, а потом уже и официальной из райисполкома, Евгений знал, что дом пустует. Хозяев давно нет, и его можно купить. Собственно, за этим он и приехал. Молодой человек собирался приобрести его. Этот кусочек детства. Потому, хоть женская фигурка вдали и казалась привлекательной, присутствие внезапного и, скорее всего, незаконного претендента на его мечту несколько напрягало. А во-вторых, он не был уверен, что девушка подала знак именно ему. Возможно, она просто поправила прическу на голове.

Девушка еще какое-то время постояла на пороге совершенно без движения, а затем, словно не дождавшись от Евгения ответной реакции, развернулась и, печально склонив голову, снова скрылась в доме, затворив за собой дверь.

Насчет того, что девушка печально склонила голову, можно было сказать с натяжкой. Возможно, Евгению просто хотелось, чтобы было именно так. Может быть, это просто была маленькая лесть самому себе. Дескать, вот: красавице - красавице ли? - не ответил приветствием, и она тотчас расстроилась, и теперь ни есть, ни спать не будет, потому как такой «прекрасный юноша» обделил ее своим бесценным вниманием. Молодому человеку стало на секунду противно за свою «выходку». «Да какая разница: красавица или страшенькая? Махала рукой ему или нет?! Неужели так трудно было махнуть в ответ?! Ну, ошибся - ничего страшного! Ведь не съели бы тебя за это?!» – размышлял он, продолжая вглядываться в дом: не промелькнет ли она еще раз в одном из окошек?

Грубый мужской голос окликнул Евгения, оборвав его внутренние терзания:

– Мил человек! Вблизи-то сподручнее, наверное, будет его обсмотреть?

Евгений не заметил, как неслышно гребя веслами, вдоль по течению подплыл в своей лодчонке местный лесник – Палыч, так называли его в райисполкоме. Накануне Евгений совершил короткий визит к местному руководству, для того чтобы уточнить кой-какие вопросы о покупке дома и успел с ним там познакомиться. Как раз там Палыч и предложил ему посильную помощь в осмотре дома и прилегающей к нему местности.

Лесник был невысокого роста, впрочем, как почти все пожилые люди. Попробуйте припомнить, часто ли вы встречали высоких стариков? На загорелом добром лице, словно светло-голубые бусины, свежо поблескивали два по-мальчишески озорно глядящих, хитро прищуренных глаза.

«Прям как у Ленина!» – у Евгения сама собой сложилась внезапная ассоциация. Тут же вспомнилась школа. Ленинский школьный уголок в их классе. И портрет вождя пролетариата, с которого добро прищурившись и улыбаясь, глядел "любимый Ильич".

На этом сходство заканчивалось. Судя по всему, в отличие от Владимира Ильича Ульянова-Ленина, Палыч не был лысым. Из-под комично нахлобученной на голову черной фетровой шляпы выбивалась копна совершенно седых густых волос. Его коротенькая борода, обрамлявшая покрытый щетиной подбородок, и усы тоже были абсолютно седые. Евгений невольно акцентировал на этом свое внимание еще при их первой встрече. С первого взгляда было сложно определить: по причине ли ярко-белой седины лицо Палыча кажется чересчур смуглым? Или же наоборот: из-за смуглости растительность на голове и лице кажется столь пронзительно седой? На самом деле и то и другое было «слишком»: седина слишком бела, кожа слишком смугла.

Между прочим, на счет того, что лесник был стариком, можно сказать с натяжкой. Да, было видно, что ему, скорее всего, от шестидесяти, но сколько конкретно? В общем-то, выглядел он крепким. Лицо гладкое, не считая морщинок у глаз, которые выдавали в нем веселый характер, да несколько глубоких морщин на лбу, что говорило о том, что Палыч, скорее всего, по ментальному складу – мыслитель. И вообще, всей своей внешностью лесник напоминал молодому человеку Старика-Лесовика, коего Евгений, конечно, никогда в природе не встречал, но если бы вдруг ему и довелось одного встретить, то он непременно выглядел бы именно так.

Теперь о костюме.

К вышеупомянутой шляпе, Палыч был одет в старый форменный китель, солдатские цвета хаки, военные брюки образца семидесятых или восьмидесятых годов, заправленные в надежные яловые сапоги. Из-под лацканов кителя выглядывал ворот пестрой полинявшей цветастой рубахи.

– Давно здесь стоишь? – продолжил он грубым, но вполне подходящим к его внешности голосом.

– Минут десять. Не больше, – ответил Евгений, поприветствовав старожилу. – Как Вы тихо подгрести! – продолжил он. – Я даже вздрогнул от неожиданности.

– Привычка, – деловито усмехнувшись, ответил Палыч. – Я ведь – лесник. Мне по службе положено. Где к зверю неслышно подобраться, где к мазурику какому. У нас ведь лихого люду хватает. Кто капканы в лесу незаконно ставит, а кто и ружьем балуется. Так что приходится быть тихим.

– Ясно-ясно, – понимающе ответил Евгений. – И что? Вы сами их и отлавливаете?

– Кого?! – не понял лесник. – Зверье?

– Не! Я о браконьерах. Ими же, вроде, егеря заниматься должны? – пояснил молодой человек.

– Ну что ты, сынок! Какие в нынешнее время егеря?! Тем более в нашей глуши. Я тут и за лесника, и за егеря, и за рыбнадзор. И без прибавки к окладу.

Палыч огляделся, продолжая шуриться, бросил взгляд на дом, потом вперед по течению.

– Ну, а на кого все это оставишь, такую благодать? Ведь посмотришь, когда мазурики озорничать начинают, сердце кровью обливается.

В прошлом году зимой нашел в лесу убитых медвежонка с медведицей. Шкуры содраны... Изверги! Ну ладно там – медведица. А кроху-то почто не пощадили?!

А то вон: месяц назад городские приехали. Взялись динамитом баловать, рыбу глушить. Пацаненка местного, Федькиного сына, чуть не подорвали. Тот рыбачить собрался. Хорошо у него удочка в кустах запуталась, так он к воде подойти не успел. Как говорится: «Бог отвел».

– И что? – живо поинтересовался Евгений. – Задержали мерзавцев?

– Какое там: "Задержали"?! Я на коню к ним подъехал, спешил. Говорю: «Вы что ж, окаянные, творите?! Креста на вас нет!» А они на меня кто с топором, кто с ножом: «Иди, старый, сюда, – говорят. – Мы сейчас тебе урок вежливости дадим!»

Хорошо ружье всегда при мне. Пальнул в воздух, потом по ногам. Слава Господу, не задел никого.

«А ну, – говорю, – кыш отседова, дьяволы!». Ружжо, как молитва на бесов подействовало. Вещи побросали, да с матюками в машину попрыгали. «Ну, старый козел! – кричат. – Мы еще вернемся! На тебе отыграемся!». Пришлось в машину пальнуть. Фару им разбил. Но они сей же час уехали.

– И как? Вернулись? – спросил Евгений.

– Не. Слава Богу, не было! А то неизвестно, чем бы все могло завершиться, – произнес старик и замолчал.

Евгения вновь окружили звуки природы: тихий плеск воды, шум деревьев и щебет какой-то одинокой не то пичужки, не то еще какой особи, относящейся к разряду пернатых.

– А что ж мы стоим-то, мил человек?! – спохватился задумавшийся было лесник. – Залазь в лодку.

В отличие от противоположного берега, где располагался дом, этот берег был практически пологим, потому почти без труда Евгений осторожно спустился к самой воде. Стараясь не потерять равновесие и не плюхнуться в воду, ступил он одной ногой, обутой в дорогой кожаный ботинок, в лодку, которая чутко реагировала на каждое движение и тут же весело начала качаться. Ухватившись рукой за борт, он ловко переставил в лодку вторую ногу, второй кожаный ботинок без эксцессов оказался рядом со своим «братом». Евгений уселся на деревянную скамейку, благоухающую рыбой, снастями, старым ватником, табаком и еще чем-то рыбацким, ощущая всем телом приятное, схожее с ощущением невесомости мерное покачивание. Старик оттолкнулся веслом от берега и погреб по диагонали на противоположную сторону реки, к тропинке, что вела к дому.

«Вот благодать!» – думал Евгений, глядя на удаляющийся при каждом взмахе весел зеленый берег и стоящий на нем автомобиль, снова ощущая в груди нарастающую радость и умиротворение. Оба эти чувства, смешиваясь, были готовы перерасти в восторг. Он уже забыл о криминальных повествованиях Палыча. Рискуя намочить манжету рубашки, а с ней и весьма недешевые наручные часы, почти с жадностью он опустил кисть руки в прохладную успокаивающую воду и вгляделся в темную гладь.

Сперва он увидел отражение своей довольной физиономии на фоне голубого небосвода, искаженное водной рябью. Сквозь толщу воды Евгений пытался разглядеть дно, на котором ему представились эстетично-естественно лежащие камешки, красивые зеленые водоросли, а над самой его поверхностью – снующих туда-сюда и клюющих ил и песчинки рыбок. Непременно должны были присутствовать еще не раскрывшиеся кувшинки, конечно же, с «надрезанными» листьями и неспешно проползающий по своим делам рак. Но вся эта картинка осталась только в его воображении. Сквозь темную воду Евгений не смог совершенно ничего разглядеть. Его идиллию вновь нарушил грубоватый голос лесника.

– Бесполезно глядеть, – словно прочитав мысли молодого франта в деловом костюме, сказал Палыч.

Молодой человек, резко выдернул руку из воды, будто его застали за актом мастурбации, и вопросительно посмотрел на старика. Тот успел закурить, неизвестно когда свернутую, самокрутку с терпким самосадам.

– Речка хоть и узенькая, но очень глубокая. Тут у самого берега уже метра два с половиной будет, а на середине так все пять, а местами и глубже, – пояснил тот.

– Понятно, – смутившись своей дерганности, ответил Евгений.

Тем временем нос лодки мягко врезался в песок. Лесник ловко выпрыгнул на песчаную косу и, ухватившись за корму, резко дернул лодку к себе, стараясь максимально далеко вытянуть ее на сушу. От неожиданного рывка Евгений чуть не опрокинулся со скамейки и, едва не вскрикнув, вовремя успел ухватиться за борт. Палыч понял, что переусердствовал, даже немного усмехнулся, но сделал вид, что ничего не заметил. Мысленно ругая себя за беспечность, молодой человек ступил на влажный мягкий песок и вслед за лесником направился к тропке, ведущей к дому.

Пока шли по песку, он наблюдал, как при каждом шаге вокруг подошв Палыча из песка выделяется влага. Как ни смешно это было признать, но даже эта мелочь вызывала в его душе моральное и эстетическое удовольствие. Они вскарабкались по тропинке и тут же оказались почти перед самым домом, от склона берега его отделяла только тропинка и узкий участок травы.

– Ну вот, – с усмешкой сказал Палыч, докуривая самокрутку. – Смотри, изучай.

Вблизи изба оказалась гораздо больше, чем казалась издали. В высоту она была точно не меньше трех метров, в ширину – метров пять и в длину – метров семь. Со стороны крыльца из сеней на реку выходило маленькое, скорее служившее небольшим источником света, чем смотровым, окошко, на которое Евгений, разглядывая дом с другого берега, не обратил внимание. Он огляделся: «Благодать!!!», – высокого берега открывалась великолепнейшая картина.

Заречье, откуда часа пол назад он созерцал дом, лежало как на ладони. Заливной луг, пестрея луговыми цветами и изумрудной травой, убегал вдаль, к темной полосе леса, которая левее расширялась по мере приближения к реке. Правее, немного в низине, виднелись крыши деревни, в которой жил Палыч.

– Красота! – только и смог сказать Евгений.

– Да-а-а! Не говори! – согласился лесник.

– А я не знал, что отсюда будет видно деревню, – продолжил Евгений. – Ведь из деревни дом не виден.

– Виден-виден, – ответил Палыч, но, только чтобы его увидеть, нужно на крышу или на дерево влезть.

– Ну да! И то правда! – усмехнулся своей недалекостью Евгений. – Ведь крыши отсюда видны.

– Ну что, пройдем в дом? – спросил старик.

– Да-да, конечно, – ответил молодой человек. – Пейзажем-то можно бесконечно любоваться.

Пока они поднимались по скрипучим ступеням крыльца, Евгений ощутил рукой теплую, отполированную годами и бесчисленными прикосновениями древесину перил. В его голове возникли сменяющие друг друга поколения сельских жителей: босоногие, в льняных рубахах и драных портках детишки, деревенские девицы в шитых сарафанах и кокошниках, несущие на коромыслах ведра с колодезной водой, и суровые бородатые мужики в картузах, шелковых подпоясанных косоворотках и лакированных высоких сапогах.

– А что, давно этот дом построен? – спросил он Палыча, поднявшись на крыльцо.

Тот хитро посмотрел на Евгения, немного подумал и ответил, что этому дому лет двести.

Тот с недоверчивостью посмотрел на сопровождающего:

– Вы хотите сказать, что его за столько лет не перестраивали и он так хорошо сохранился?!

– Ни разу, – подтвердил Палыч. – Старики говорят, что как заговоренный стоит. Добротной старой постройки! Из дуба срублен. За столько лет уже проморился. Ничто его не возьмет! Однако, – спохватился он, мы что-то с тобой, мил человек, снова снаружи застряли. Пойдем-ка внутрь!

Палыч достал из кармана ключ и принялся открывать навесной амбарный замок. Евгений тут же вспомнил виденную им девушку в дверях этого дома, удивился, как это он забыл поинтересоваться об этом у лесника, хотел уже об этом спросить, но тут же осекся. Побоявшись прослыть у местных идиотом, потому как сразу понял: что-то тут не так. "Как же мог кто бы то ни было открыть изнутри дом, а потом снова в нем изнутри закрыться, если снаружи висит замок? Разве что этот кто-то ушел, пока мы плыли через реку, или пока разговаривали, и мы этого не заметили?», – подумал Евгений и, рискуя прослыть городским придурком, решил таки спросить лесника о странном случае.

Тем временем лесник справился с замком и, отодвинув железную щеколду, повернул кованое кольцо, служившее еще с «тех времен» дверной ручкой. Дверь легко отворилась, и они вошли в избу.

Оказавшись в сенях, Палыч начал было что-то рассказывать, но Евгений, не желая уходить от намеченного вопроса и даже не успев оглядеться, перебил его:

– Тут кто-нибудь сейчас живет?

Старик с недоумением посмотрел на молодого провожатого. Евгений смутился.

– Ну... Я имею ввиду, может тут кто-нибудь сейчас проживать? – уже менее решительно спросил он. – Например - незаконно?

– Незаконно, конечно, может, – ответил лесник, – но сложно это. Во-первых, я в этих местах часто бываю, да и местные если бы что-то такое заметили, то, конечно, сразу мне бы или председателю сказали. Да и замок на месте, а ключа всего два, один сейчас у председателя, второй у меня.

– Странно...

– А чего ж тут странного?! Тылдыть вашу маковку! – усмехнувшись, выругался старик.

– Я на сто процентов уверен, что пока Вас ждал, видел с того берега, как какая-то женщина выходила из дома на крыльцо.

– Да не может того быть, – резко парировал Палыч, лицо его при этом сделалось серьезным и в глазах, которые несколько секунд назад были по доброму прищурены, появились огоньки раздражения. – Ты же сам видел, что я замок отпирал!

– Да, видел. Но ведь она могла...

– Ничего никто не мог, – резко перебил лесник. – Тут все меня знают! И знают, что со мной лучше не шутить. Потому как я горазд не люблю «шутников», – он многозначительно посмотрел на Евгения из-под полы своей шляпы, – Так что если что-то и было, то тебе это померещилось скорее всего. Вы городские как сюда приедете, так у вас начинается: то волки ребенка украли, то кто-то потонул...

После последних слов Евгений напрягся. Во-первых, его удивила странная реакция и перемена настроения его проводника, а во-вторых, эти неприятные новости.

– Это правда было?! – спросил он.

Палыч резко сбавил пыл и, посмотрев в пол, спокойно взглянул на собеседника.

– Было. Но ребенка не нашли. Посему неизвестно, волк ли это был или человек? Или он просто в лесу заплутал. А турист один утонул. Так с кем не бывает? По всему свету люди тонут. Наши места особенные, что ль? Да ладно, отвлеклись мы, – сменил он тему. – Вот смотри, – и лесник жестом показал Евгению сени.

По правую руку, как войдешь в дом, в самом конце, за маленькой дверцей находилось неприглядное, но максимально необходимое и полезное отхожее место, конечно же, оснащенное всем необходимым для оправления естественных нужд организма. То есть выпиленной в полу дырой и рулоном заплесневевшей от сырости туалетной бумаги, нанизанной на гвоздь. Что было крайне удобно для деревенского туалета, так это его месторасположение: ни где-то на дворе, а тут же, в сенях.

Здесь же, в сенях к стене была прибита скамья, на которой донышками вверх стояли два оцинкованных ведра и большой эмалированный зеленый бак для воды. На стене висели: то самое коромысло, которое Евгений представлял на плечах деревенских девиц, двуручная пила, которую в народе шутливо зовут «Дружба-2», потому как пилить ей сподручнее и быстрее с напарником, и старые проржавевшие санки. Также к стене была пристроена лестница, а точнее - перекладины, по которым можно было взобраться на чердак.

Именно чердака Евгений и не ожидал здесь увидеть, а впрочем, и сеней. Он думал, что дом представляет собой, скорее, зимовье, которое состоит только из одного помещения: то есть сразу с улицы попадаешь в жилое помещение – избу. А здесь: и сени, и чердак, и даже туалет! И все это за «смешные» деньги!

Палыч отворил низкую, как почти во всех деревенских домах, дверь и шагнул в избу. Евгений устремился за ним и... больно ударился лбом о дверной косяк. Удар был настолько сильным, что у него потемнело в глазах, и он на мгновение забылся. Когда же свет в его глазах наконец «забрешил», то он обнаружил себя уже в избе, усаживаемым обеспокоенным лесником на невысокую лавку справа от входной двери.

– Вот напасть! Вот напасть! – испуганно приговаривал тот, вглядываясь в глаза Евгения.
– Сильно зашибся?!

– Да ничего страшного! – состроив улыбчивую гримасу и стараясь казаться как можно непринужденнее, дабы не беспокоить старика, отвечал молодой человек.

– И воды-то ни капли нет! – продолжил Палыч, нажимая стержень рукомойника, который висел тут же у входа, но с левой стороны.

– Да ничего страшного, – снова сказал Евгений. – Я в порядке. Ну, шишка, может, будет, – он потрогал ушибленное место, шишка уже начала проявляться. – Дереву от дерева худо не бывает, – пошутил он, мысленно отмахнувшись от ушиба, тут же поднялся с лавки и огляделся.

Изда была просторной. Не оклеенные обоями суровые бревенчатые стены придавали народный колорит всему жилищу и скорее украшали, чем портили внутренний вид. Потемневший от времени дощатый потолок пересекали три мощные деревянные балки. К центральной из них была подвешена керосиновая лампа.

Тут же, справа от входа, где он только что сидел на лавке и поначалу не заметил, приняв ее за стенку, стояла большая русская печь, занимая практически четверть избу.

Немного впереди, ближе к левой стене, стоял большой прямоугольный стол грубой, «топорной» работы, с толстыми квадратными ножками и столешницей, сколоченной из толстых досок. Со стороны стены к столу была приставлена длинная лавка, а с торцов и со стороны основного помещения стояли пять стульев, выдержанных в том же стиле.

Между двух окон, прорубленных все в той же левой стене, стоял массивный буфет с какой-то кухонной утварью, которая, как мельком заметил Евгений, особо не сохраняла стилизованной ансамбль и состояла как из современной керамической и алюминиевой посуды, так и из каких-то глиняных мисок и крынок.

У противоположной входу стены, справа от прорубленного в центре окна, стоял широкий комод, над которым висело потускневшее от времени зеркало. А в левом верхнем углу висел оклад, но традиционной иконы в нем не было.

У правой стены стояла полуторная, тоже самодельная кровать. У изголовья была расположена небольшая тумба, видимо заменяющая прикроватный столик. На тумбе стоял подсвечник с огарком свечи и граненый стакан с какой-то давно засохшей на дне субстанцией темного цвета, может, чаем или еще чем-то, привлекающем мошек и мух, потому как именно они налипли и муфифицировались в нем.

В довершение к нехитрой обстановке между подножием кровати и печью высился классический большой кованый сундук с полукруглой крышкой и навесным замком. Этот предмет добавил Евгению восторга. Потому как городской житель полагал, что такие вещи если и

сохранились, то лишь в этнографических и краеведческих музеях, но никак не в деревенских домах.

К вышеупомянутому «прибамбасам» в доме обнаружился подпол, вход в который располагался прямо посреди комнаты. Под снова ставшим озорным взглядом Палыча Евгений ходил по избе, и все фразы, которые вырывались из его груди, состояли из слов: «Да-а-а! Да-а-а!». Увлечшись изучением обстановки, он даже снова успел удариться тем же ушибленным местом, но, к счастью, его «целью» на этот раз оказалась та самая подвешенная керосиновая лампа. Было смешно. И Палыч, и молодой человек смеялись, но выросшей на лбу шишке, если бы она имела разум и могла говорить, было не до смеха.

– И что? Могу я посмотреть, что внизу? – осторожно потирая ушибленный лоб рукой, спросил Евгений и постучал ногой по люку подпола.

– Да сколько угодно смотри! – ответил Палыч. – Ты же покупатель, тебе и карты в руки. Смотри все, что считаешь нужным, чтобы потом притензий не вышло, – лесник довольно хихикнул и, достав из кармана нарезанную газету и махорку, принялся крутить очередную самокрутку, устроившись на стуле.

Евгений наклонился и уже взялся за кольцо люка, когда старик прервал его действие:

– Ток ты там сейчас ничего не увидишь, потому как темно там. А в керосинке наверняка нет горючего.

Стоя в непристойной позе, Евгений на мгновение задумался. В голову моментально пришла догадка, что в дом не проведено электричество. Одновременно он попытался припомнить, не заметил ли он рядом с домом линии электропередач или хотя бы столбов, предназначенных для них, и потянул-таки крышку подпола на себя, которая не захотела поддаваться ни при каких усилиях. Люк словно вакуумом всосало в пол. А за небольшое кольцо, в которое помещались лишь три пальца руки, было ужасно неудобно тянуть: пальцы резало. Немного покряхтев, Евгений, будто бы извиняясь, бросил взгляд на Палыча, который, уже пуская клубы дыма, молча наблюдал за потугами «дачника» в дорогих ботинках и представительном сером костюме, и бросил свои попытки, присев на корточки.

– Никак, – коротко бросил он.

Старик, сделав затяжку, закашлялся. Затем, подойдя к окну, отодвинул щеколду, открыл окно, видимо заметив, что своей «папироской» скоро задымит все помещение, и ответил:

– Разбухла, наверное. Дом давно не протапливали, а тут река рядом. Туманы... Потом ломиком подденешь, посмотришь.

– Да, видимо, так и придется поступить, – согласился Евгений.

Он попытался вспомнить, не заметил ли он чего подходящего для функции ломика в сених? Тут же перед глазами возникла «лесенка» ведущая на чердак.

«Может, там что-нибудь есть?», – подумал Евгений и, высказав свое предположение леснику, вышел в сени.

Чердак располагался невысоко, если вытянуть руку, то Евгению не хватало примерно длины ладони, чтобы достать до края бревенчатой стены, но по перекладинам, прилаженным к стене, без определенной сноровки вскарабкаться было не так уж просто. Евгений, однако, выполнил задуманное. Правда при «восхождении» пришлось пожертвовать костюмными штанами, которые зацепились за неуместно торчащий ржавый гвоздь, и в них прорвалась аккуратная, в угол девяносто градусов, дырочка. Одновременно с этим кончик гвоздя воткнулся в плоть на его бедре и прорезал не менее аккуратную рану.

Увлеченный подъемом, Евгений не придавал особого значения резкой щиплющей боли, ожегшей его ногу. Больше он сетовал на порванные брюки. Костюм был весьма не дешевый, а при теперешнем раскладе его можно было просто выкинуть. Зачем ему – Евгению, теперь нужен пиджак без штанов? Молодой человек был очень щепетилен относительно своих вещей и, конечно, не смог бы позволить себе надеть пиджак от костюма, с брюками, не принадлежа-

щими данному комплекту. Как по работе, так и в общем - по жизни Евгений вращался в таких кругах, представители которых, конечно, заметили бы «нестыковочку» в любом предмете туалета и, конечно же, сразу подумали бы о нем «не так, как надо».

– Твою же мать! – выругался он вслух.

Мысленно продолжив: «Какого хрена меня понесло в лес в костюме?! Знал же, куда еду! И какого хрена меня понесло в костюме на чердак?!». Какое-то время он еще отчитывал себя, разглядывая свои «раненные» штаны, но потом, согласившись с тем, что: что сделано – то сделано, немного остыл. Резюмировав, однако, что не слишком-то гостеприимно встречает его, дом его мечты. С этими мыслями он огляделся.

Чердак был просторный. Пол был застелен соломой. На первый взгляд Евгений не обнаружил здесь ничего лишнего, кроме выходящей через центр в крышу печной трубы. Тут царил полумрак, так как свет проникал только через единственное небольшое окошко, расположенное во фронтоне_ и почему-то со стороны леса.

Обычно на чердаках хранится значительное количество «полезных» вещей, которые могут пригодиться. К таким «полезностям» относятся: старые стеклянные бутылки, флакончики из-под одеколонов «Шипр», «Гвоздика» и других, произведенных в СССР. Так же среди "нужных" вещей, как правило, оказываются: перегоревший электрический чайник, старое цинковое корыто, коньки - иногда один - , прабабушкина прялка, большой алюминиевый бидон, граммофонные пластинки начиная с периода середины двадцатого века, старый самовар с подтекающим или вообще отломанным и давно потерянным краником... И так далее, и тому подобное.

Если мы сейчас возьмемся перечислять вариации наполнения деревенских чердаков, то, пожалуй, этого хватит на целую книгу. Но на этом чердаке практически ничего не было. В правом дальнем углу стоял предмет, напоминающий бидон, но несколько иной формы и больше как по объему, так и по высоте. И сделан он был не из алюминия, а из кованых, почерневших от времени стальных листов, соединенных между собой клепаными стальными полосами.

Евгений подошел и тронул прохладную металлическую поверхность рукой. «Любопытно, для каких целей этот “бидончик” был изготовлен?», – подумал он. С этими мыслями молодой человек попытался выдвинуть предмет из угла, дабы разглядеть его получше со всех сторон, но не тут-то было. Несмотря на не очень внушительные размеры, высотой около метра и в диаметре около пятидесяти сантиметров, «бидон» оказался совершенно неподъемным. Однако любопытство взяло верх. «Гулять так гулять!» – решил Евгений и, прижавшись к железному сосуду всем своим пиджаком, он обхватил его руками и напряг все мышцы.

Пыхтя и раскрасневшись, с невероятным трудом Евгений потянул «бидон» на себя. Только что не поддающийся предмет, как ему показалось, на долю секунды сделался легким, накренился и в тоже мгновение снова обрел свой вес. Евгений почувствовал, что вся эта масса давит на него. Еще миг, и он упадет, придавленный странной вещью. Ему не оставалось ничего лучшего, кроме как разжать руки и резко отскочить вбок. «Бидон» упал на бок с таким грохотом, что, казалось, задрожал весь дом. Евгений испугался, что он пробьет потолок. На секунду перед его глазами возник мирно сидящий у окна и покуривающий Палыч, и падающие на него потолочные доски вперемежку с соломой, пылью и «бидончиком». Но, к счастью, этого не случилось. Предмет упал и замер, словно его примагнитило к полу. Евгений же отделался испугом и несильным ударом об уже раненное бедро. Рефлекторно он схватился за ушибленное место и только сейчас почувствовал, что его штанина мокрая.

Он бросил взгляд на ладонь. Она была в крови. Вокруг разорванного места на брюках также образовалось кровавое пятно. Забыв, зачем он залез на чердак, Евгений принялся задирать штанину, но она была не настолько широкой, чтобы это удалось. Он уже собрался было снять брюки, чтобы посмотреть на источник кровотечения - как уже было сказано: пораненная

гвоздем нога, в принципе, практически не болела - в этот момент чердачную тишину нарушил грубый голос лесника:

– Сынок, у тебя тут все в порядке?

Евгений вздрогнул и, повернувшись на голос, увидел торчащую над стенкой сеней голову Палыча. Горе-покупатель, окунувшись в «приключения» на чердаке, даже не слышал, как тот вышел в сени и вскарабкался по лестнице.

– Да, все в порядке, – смутившись ответил он. – Я тут о гвоздь немного поцарапался и вон, – Евгений указал на лежащий «бидон», – эту штуку случайно уронил. Ну и тяжелая она, зараза!

Палыч кряхтя залез на чердак и подслеповато шурясь подошел к Евгению.

– Э, брат, да у тебя кровь...! – озабоченно покачав головой, констатировал лесник. – Может, к фельдшеру тебя отвезти?

– Да нет! – начал отмахиваться Евгений. – Совсем не болит. Брюки только жалко.

– Да? – хитро глянув на него, уточнил Палыч. – Ну, смотри... А то могу к Наташке тебя отвезти. Она хорошо лечит.

Переведя взгляд на «бидон», лесник усмехнулся.

– Какой же это бидон? Эт ступа.

Евгений почувствовал себя не в своей тарелке. «Ну конечно же - ступа! Как же он сразу это не понял? Вот теперь будут думать о городских... Но в первую очередь о нем, как о придурке, который ничего о народной жизни не знает. И даже в предметах быта не разбирается», – подумал он.

– Причем старинная, – продолжал Палыч. – Кованая.

Последнее слово он произнес кряхтя, так как нагнулся, ухватил ступу за край и без особых усилий вернул ее в вертикальное положение.

У Евгения от изумления отвисла челюсть. Он - молодой, не мог ее с места сдвинуть, а тут - старик...

– Палыч, как Вам удалось ее поднять?! – отрывисто произнес Евгений.

– Как-как? Руками, – ответил лесник и развел руки, будто бы демонстрируя их Евгению. – Она хоть и железная, но не горазд тяжелая.

Евгений не нашел, что ответить. Он молча смотрел то на Палыча, то на ступу. Старик тоже молчал какое-то время, потом, словно спохватившись, поинтересовался, не нашел ли Евгений то, зачем сюда полез. «Ну да, конечно... – подумал тот, – я же совсем забыл про ломик». Он начал рассеянно озираться по сторонам.

У печной трубы молодой человек заметил старый коричневый чемодан с укрепленными металлическими накладками углами. На веревке, прикрепленной к стропилам, висели невесть какой древности засушенные травы. Старая прялка, конечно же, тоже здесь присутствовала. На этом наличие «нужных вещей» заканчивалось.

– Нет ничего, – констатировал Евгений.

– Да я уже вижу, что - нема. Но это ничего. В следующий раз я с деревни с собой захвачу, – ответил Палыч. – Но пойдем уже! Гляди, нога-то кровит, – лесник кивнул на ногу Евгения.

Тот посмотрел на ногу. Кровавое пятно вокруг дыры увеличилось.

Когда они оказались возле лодки, Палыч снова предложил отвезти Евгения к местному врачу. Теперь уже с тревогой глядя на пропитанные кровью брюки и понимая, что, возможно, рана гораздо серьезнее, чем он думал, сейчас он сам понимал, что надо бы побыстрее снять штаны и как-то обработать рану. Также вспомнилось, что существует такая неприятная вещь, как столбняк и неплохо бы было сделать укол. Не то чтобы Евгений боялся... Так - на всякий случай.

– Конечно, надо бы к врачу, – ответил он. – Но вот машина...

На другом берегу реки, почти у берега, стоял припаркованный внедорожник.

– А, что машина? – сказал Палыч. – Никуда твоя машина не денется. Поедем на ней. Я лодку на берегу оставлю, а потом ее заберу.

Такой вариант устраивал молодого человека и он, конечно, согласился.

Не более чем через десять минут они уже ехали вдоль берега в сторону деревни. Оживленно жестикулируя и дымя самокруткой в открытую форточку, лесник рассказывал и показывал, где лучше собирать грибы и удить рыбу.

Если бы хоть один из них, находясь на чердаке, обратил более пристальное внимание на ступу, то немало бы удивился тому, что кровь, которую Евгений случайно оставил на ней, вся до последней капли впиталась в ее металлическую поверхность, словно в губку. После чего весьма неприятный голос огласил пространство избы, произнеся: «Иду-иду...».

Конечно же, прибытие чужака в деревню – это пусть небольшое, но событие. И неудивительно. Много ли здесь развлечений? Местный клуб по субботам, да поездка в районный центр.

Как только выехали на проселочную дорогу, традиционная для всех деревень пара местных шавок выскочила невесть откуда и помчалась вслед за автомобилем, невзирая на клубы пыли, оставляемые им. Собаки мчались, оглашая резким лаем теплый летний воздух, пропитанный запахом сена, земли и домашних животных. Одна из них, видимо, самая придурковатая, рискуя жизнью, норовила броситься под колеса, дабы ухватить зубами шину.

Метров через сто собаки отстали, но их сопровождение сменилось сопровождением детворы на велосипедах, которые с искренним любопытством норовили заглянуть в автомобиль, дабы удостовериться, кто же в нем едет. Они старались держать скорость, равную с автомобилем. Тем, у кого велосипеды были с колесами побольше, это удавалось.

Местные жители провожали машину взглядом, гадая, кто бы это мог быть.

Палыч сказал свернуть в проулок направо. Евгений свернул и... едва не сбил девушку в пестром коротеньком платье. Она шла посреди дороги и несла на плече коромысло с ведрами, наполненными водой. Машина резко затормозила. Девушка, резко обернувшись и вскрикнув, отскочила в сторону, при этом расплескав воду. Несколько секунд она молчала, испуганно таращась то на незнакомого ей водителя в элегантном костюме, который так же испуганно таранился на нее, то на Палыча. Как только первый шок прошел, она разразилась, пусть не отборной, но искренней бранью, закончив фразой: «Смотреть надо, куда едешь!».

Лесник в ответ молчать не стал. Он высказался о желании вступить в половую связь с матерью этой девушки, а также высказал недовольство тем, что она ходит посреди дороги в срамном платье. За всем этим наблюдали нагнавшие их на велосипедах дети. Некоторые жители молча выглядывали из-за заборов. Евгений открыл дверь автомобиля и, наполовину ступив одной ногой на дорогу, не вылезая полностью, спокойным голосом обратился к девушке:

– Простите, как Вас зовут?

Гнев на красивом лице тут же сменился игривой улыбкой. Девушка оглядела Евгения, словно ощупала его глазами, и представилась:

– Люба.

Он, в свою очередь, тоже не упустил случая детально изучить внешность местной жительницы:

Миниатюрная, коротенькое, словно специально подогнанное по фигуре оранжевое платье в красный с коричневым цветастым узором. Стройные сильные ноги, по простому обутые в спортивные тапки. Тонкая талия. Небольшая, но как раз «подходящая» этой фигуре грудь, упруго стиснутая платьем и частично открытая благодаря декольте. Длинные светлые волосы, заплетенные в косу. Смуглая кожа. Аккуратный тонкий носик. Ярко-розовые губы и красивые миндалевидные голубые глаза.

Евгению казалось, эта маленькая девушка буквально источала силу и энергию. Он хотел просто извиниться, но тело поступило иначе, решив познакомиться, и язык произнес:

- Очень приятно, Люба! А я Женья!

- И мне приятно, Женья! - уже кокетливым тоном ответила новая знакомая.

- Извините, пожалуйста, Люба, что напугал Вас! Может, Вас подвезти? - поинтересовался молодой человек.

Продолжая игриво смотреть на Евгения, девушка ответила:

- В следующий раз я дам тебе подвезти меня, а сейчас я уже почти пришла, - и она кивнула на калитку, открытую в заборе, возле которого она стояла.

- Ну что же, в другой, так в другой, - согласился Евгений. - Всего Вам доброго!

- Спасибо! И тебе, Женья, того же! - бодро ответила она.

Евгений вернулся в автомобиль, пробубнив себе под нос:

- Если этот другой раз будет когда-нибудь.

Он, в общем, удивился своему поступку. Ведь у него есть девушка в городе, с которой он живет уже не первый год и никогда ей не изменял, и не собирался этого делать. Но эта простая сельская красота буквально загипнотизировала его. Голос лесника вывел Евгения из задумчивости:

- Ты, Любка, мне парня не совращай! - строго увещевал он через открытое окно.

Люба ничего не ответила и, сделав Евгению ручкой, скрылась в калитке за кустами сирени.

Тут же у машины уже вертелись дети:

- Дядя Сеня, - галдели они, обращаясь к Палычу, - а кто это? Это новый дачник? Это новый Любкин парень?

- Идите играйте, малышня, не вашего ума это дело! Не крутитесь у машины, а то я вот вам...! - Палыч открыл дверь и сделал вид, что собирается вылезать.

Ребятня с визгом покатила обратно за поворот, с криками:

- У Любки новый хахаль! Из города!

- Вот балаболы! - выругался Палыч. - Едем дальше, слева медпункт будет.

Когда доехали до медпункта, то обнаружили на двери большой амбарный замок. Лесник объяснил, что это нормальное явление. Что Наташки, так звали местного врача, нет на месте. Она либо в медпункте, либо дома.

Дом местного врача оказался недалеко от медпункта: по этой же улице метров сто вперед и там метров двадцать направо. Наташка действительно была дома. Палыч разъяснил ситуацию и, оставив Евгения в распоряжение специалиста, ушел за своей лодкой.

Наташка, а если быть более корректными, то - Наталья, была молодой еще женщиной. На вид Евгений дал бы ей не больше тридцати лет. Нельзя сказать, что она была прям писаной красавицей, но обладала весьма приятными чертами лица и почти стройной фигурой. Слегка полные бедра и ягодицы, обтянутые джинсами, смотрелись весьма и весьма аппетитно. Свободная зеленая блузка не могла скрыть гордость любой женщины - весьма немаленькую грудь. Отсутствие бюстгалтера, что не осталось незамеченным Евгением, выдавали выдающиеся небольшими бугорками соски.

У нее были аккуратно убранные темно-русые волосы, обрамленные длинными ресницами выразительные карие глаза, разрез которых отдаленно намекал на то, что в жилах женщины, возможно, течет азиатская кровь, и аккуратно вздернутый носик. Полные губы дополняли ее привлекательность.

Убранство дома было отнюдь не простым. Первое, на что обратил внимание Евгений - входная дверь, ведущая из сеней в основное помещение, не была традиционно низкой, что издревле делалось, вероятно, для того, чтобы входящий в дом волей-неволей совершил приветственный поклон или - что более правдоподобно - чтобы меньше выходило тепло в холодное время года. Так вот, входная дверь была нормальных размеров.

Войдя из сеней в дом, Евгений оказался в кухне.

В дальнем левом углу кухни находился вполне приличный кухонный уголок. Тут же, у левой стены, к окну на пестром коврик, вероятно, чтобы было уютно босым ногам, был приставлен светлый кухонный гарнитур, выполненный из хвойной породы дерева. Гарнитур состоял из длинной скамейки, приставленной к стене и четырех стульев.

По правую руку располагалась печь.

Пол в доме был сделан из калиброванных, покрытых лаком досок.

В гостиной пол был застелен ковром. Стены и потолок были обиты лакированной вагонкой. На стенах в рамках, покрытых позолотой, висели написанные маслом репродукции картин известных художников. Не оригиналы, но тоже смотрелись неплохо.

В центре комнаты стоял мебельный гарнитур темного орехового дерева, состоящий из большого стола с круглой столешницей и шести стульев с гнутыми ножками. У левой стены была расположена мебельная стенка, тоже орехового дерева. В ней же красовался современный большой телевизор. Здесь же, у окна, находился невысокий, под подоконник, комод с расставленными на нем фотографиями и разными безделушками в виде керамических фигурок.

У стены, противоположной мебельной стенке, стоял диван с деревянными элементами, все из того же ореха, покрытый шкурой какого-то зверя. Евгений предположил, что оленя. К стене, что находилась напротив от входа в комнату, были приставлены два кресла, того же стиля, что и диван.

Оставив пациента в гостиной и «приказав» ему снимать брюки, Наталья скрылась в соседней комнате.

Несколько смущаясь - ведь, несмотря на то, что он пришел к врачу, он находился не в смотровом кабинете - Евгений стянул рваные штаны. Глянув на рану, молодой человек весьма удивился. Такое пятно крови! Столько суеты! А ранка оказалась маленькой. Сантиметра три длиной и совсем неглубокая. Скорее - царапина, а не рана. И кровь уже не текла. Правда, вокруг образовалась краснота, намекающая на начинающееся воспаление. Из соседней комнаты белым пятном выпорхнула Наталья. На ней был белый халат.

Евгений бросил смущенный взгляд на врача. Она посмотрела на него. Молодой человек заметил, как она, очевидно, непроизвольно глянула на его «низ» и, как ему показалось, на ее лице мелькнула еле заметная, будто у Джоконды, улыбка. Тут он вспомнил, что на нем обтягивающее нижнее белье, из которого «все» выпирает. Потом подумал, что он с утра в этом белье. Оно уже несвежее и пропотевшее, и наверняка имеет несвежий специфический запах мужских гормонов с отдушкой "последней капли", о которой какой-то неизвестный, веселый, но пошлый рифмоплет когда-то высказался: "Сколько писей не трясись, последняя капля всегда в трусы". Это удвоило его смущение. А Наталья, бросив: «Присядьте на диван», – скрылась на кухне.

Молодой человек услышал звук льющейся воды. «Руки моет», – догадался он и скромно присел на край дивана, разглядывая обстановку. Через минуту женщина вернулась в комнату.

– Ну, давайте посмотрим, что у Вас случилось. Ложитесь на диван. Раненой ногой ближе к краю, – обратилась она к Евгению.

Он лег. Полы его рубашки разъехались в стороны, демаскировав обтянутое узким бельем мужское "хозяйство". Евгений взглянул на трусы, на Наталью, смущение вернулось. Молодой человек снова заметил, что женщина бросила взгляд на его выдающиеся «причиндалы», на него, снова вроде бы слегка улыбнулась. Но тут же ее лицо сделалось по-врачебному безразличным.

Она внимательно осмотрела его рану. Аккуратно ощупала ее. При прикосновениях врача Евгений почувствовал, как его "достоинство" начало наливаться. Ощувив несвоевременный прилив, он был вынужден признаться себе в том, что пребывает в несколько возбужденном состоянии с момента, как встретил Любу. А тут эта Наталья в своей блузке без лифчика. Потому не приходилось удивляться, что член начал выдавать его, взяв инициативу на себя.

«Этого еще не хватало! – в смятении думал молодой человек. – Нужно думать о чем-то другом! Как-то отвлечься!».

– Что же, – сказала врач. – Похоже, начинается воспаление! Вам бы укольчик нужно сделать. Что Вы на это скажете? – Наталья вопросительно и строго посмотрела на Евгения.

– Да я, конечно, согласен. Пока к Вам ехали, я как раз об этом и подумал. Попросить укол от столбняка, – ответил он, с облегчением подумав, что вот и он – повод отвлечься.

– Но медикаменты у меня в приемной, так что придется нам с Вами до больницы пройти.

– Не проблема, – ответил Евгений. – Я на машине. Доедем!

И он собрался встать, но врач мягко удержала его.

– Подождите минуту. Я еще раз осмотрю Вашу ногу.

И она снова принялась мягко ощупывать область раны. Не желая вновь погружаться в осязательную негу, которая грозила перерасти в эрекцию, Евгений принялся праздно болтать:

– А у Вас уютно! – сказал он. – У моих бабушки с дедом тоже дом в деревне был, но я там ни у кого такой роскошной обстановки не встречал.

– Спасибо! – улыбнувшись, ответила Наталья, продолжая ощупывать ногу. – Это все муж купил, мы ведь сюда из города приехали, у него там бизнес свой был – частная клиника. Я тоже у него работала, – с этими словами она больно сжала рану.

Не столько от боли, сколько от неожиданности Евгений вскрикнул.

– Ой-ой, извините! – испуганно воскликнула Наталья. – У Вас в ране грязь осталась.

– Ничего-ничего, – поспешил успокоить ее Евгений. – Даже приятно! – тут же пошутил он, чтобы разрядить обстановку. И, дабы не отходить от начатой беседы, продолжил расспросы.

– Так и что вас с мужем заставило переехать в деревню? Экология?

– Экология?! – искренне удивилась врач. – Ну, что Вы! Хотя это тоже неплохая причина, – при этих словах ее лицо сделалось грустным, и она прекратила заниматься раной.

Немного помолчав, женщина продолжила:

– Наша фирма обанкротилась. Вернее – нам помогли обанкротиться. Причем лучшие, якобы, друзья. Мы на них в прокуратуру заявление написали. Так мужу стали угрожать, что убьют. Единственное, что оставалось, это продать квартиру, купить здесь дом и уехать.

– А, что же прокуратура? Не помогла? – удивился Евгений.

– Прокуратура?! – только и сказала Наталья и саркастически посмотрела ему в глаза.

– Ясно, – понимающе ответил Евгений. – А чем здесь занимаетесь? Не хотите ферму свою организовать? Тоже, как-никак, бизнес.

Наталья продолжала стоять рядом. Евгений не стал вставать с дивана без приглашения, так как не знал, закончила она осмотр или нет. Врач снова посмотрела на пациента. Он смотрел на нее. Случайно бросив взгляд на ее ноги, молодой человек заметил, что джинсов на ней больше нет.

– Муж хотел что-нибудь тут организовать. Даже калькуляцию начал составлять. Прикидывать, чем лучше заняться. Но два года назад он пошел на охоту, охотником был страстным, и не вернулся... И все закончилось... – Наталья снова замолчала и, повернувшись к Евгению задом, вновь занялась осмотром его ноги, вернее, как он почувствовал, обоих его бедер.

Молодому человеку стало неловко. Во-первых, оттого что он затронул, по всей вероятности, болезную для человека тему. А во-вторых, оттого, что ему были приятны ее прикосновения и эрекция начала возвращаться.

– Извините, – сказал он. – Я не знал... Простите, что заговорил об этом.

– Ничего страшного. Я уже свылась, – не поворачиваясь, ответила Наталья. – Два года – это немаленький срок. Все уже перегорело и переболело.

Работаю здесь врачом. Брат из города приезжает, помогает деньгами..., – она снова помолчала, продолжая гладить бедра Евгения. Причем делала это уже гораздо выше от боль-

ного места. – Мне одного не хватает... Мужчины! – с этими словами Наталья, по-прежнему не поворачиваясь к нему лицом, положила свою руку ему на выпуклость, что выдавалась из фирменных трусов, и несильно, но уверенно сжала ее.

Евгений вздрогнул, но попыток освободить свое мужское достоинство из уверенных врачебных рук делать не стал. Он чувствовал, как женщина слегка сжимает и отпускает его орган воспроизводства. Тот моментально стал твердым, элегантные трусы тут же стали тесными и комично натянулись в виде маленькой индейской "избы", которая называется вигвам. Умело щупая мужское «хозяйство», Наталья продолжала свое повествование:

– Здесь в деревне мужчин нет. Только мужики! А, что они могут?! Засадить стакан водки, всунуть – кончить – вынуть. А я хочу секса! Я - женщина зрелая! – громко дыша от разгорающейся страсти, изливалась в порыве откровенности Наталья. Трусы Евгения тут же были припущены, а их «узник» обрел свободу.

Молодой человек лежал, молчал, вкушал, слушал и не знал, как поступить. Мысли путались в голове. Это напоминало сон с сюжетом из порнографического фильма. Евгений не мог поверить, что в жизни такое возможно. Женщина, трезвая, к тому же - врач, сама залезла к нему в штаны, вернее - в трусы и хочет от него секса! Ко всему прочему, у него есть девушка, которой он никогда не изменял и ни в коем случае не предполагал это делать. Но излияния Натальи, наряду с ее умелыми ласками действовали на Евгения безотказно.

Ему было жаль эту одинокую милую женщину, у которой в самом расцвете лет судьба отобрала мужа и которую ее темперамент довел до такого отчаяния, что она сама была вынуждена пристать к своему пациенту. Между тем Наталья уже не играла, а полноценно стимулировала молодого человека своими умелыми руками, продолжая свое повествование негромким, наполненным страстью голосом:

– Мне приходится каждый день себя ласкать. С местными ведь не будешь этим заниматься. Одному дай, на следующий день вся деревня узнает, и соседние тоже.

Женщина нагнулась ниже, и Евгений увидел: под ее белым халатом нет нижнего белья. Одновременно с этим открытием он ощутил горячие влажные губы и скользкий язык врача. Сделалось сладко, таз Евгения непроизвольно подался вперед, а рука протянулась к заветной цели которая, источая свои флюиды, глядела на него из-под краешка врачебной униформы. В ответ Наталья вздрогнула и задрожала всем телом, одновременно из ее горла вырвался сладостный стон.

Евгений был тоже уже готов, и это был бы не столько в физическом, сколько в эмоциональном плане оргазм, долгий и мучительно сладкий. Но инициатор спонтанной "игры", видимо, угадала это и, не желая ограничиваться лишь взаимными ласками, тут же прекратила всякие действия. Женщина посмотрела на Евгения.

– Ты «вкусный», – сказала она и твоих рук мне будет мало, я хочу попробовать тебя по-настоящему.

Евгений смотрел на нее с опаской. От возбуждения черты ее лица сделались яркими, глаза горели страстью и радостью. Во взгляде врача, который лишь несколько минут назад был профессионально холоден, было что-то безумное. Стыдно в этом признаться, но молодой человек даже немного испугался. Он вдруг трезво осознал, что Наталья - совершенно неизвестный ему человек, и знаком он с ней от силы полчаса. Кто знает, что у нее на уме и чего от нее ожидать? Но долго думать она ему не дала, и, усевшись сверху, новая знакомая мерно закачалась на заветном «дамском угоднике».

Вцепившись Евгению в плечи, она наклонилась к его лицу и жадно стала его целовать, стараясь просунуть свой язык как можно глубже ему в рот. Вдохнув аромат парфюма, смешанного с запахом женского разгоряченного тела, тот утонул в смеси ароматов и страстном поцелуе. Чуткое в данный момент на каждое прикосновение женское естество сжалось. Вскрикнув,

Наталья зажала себе рот рукой, очевидно боясь, что ее услышат на улице и забилась в очередном, еще более бурном, приступе оргазма.

Наталья еще продолжала вздрагивать, прижавшись к заветному мужскому телу, как в дверь дома постучали. Она вздрогнула и, соскочив с еще распаленного Евгения, накинув халат со словами, - «Дада, я дома», - бросилась открывать. Евгению тоже пришлось посуетиться.

Опасаясь, что у озабоченной женщины-врача хватит ума привести нежданного гостя в гостиную, ведь трахнуться с ним у нее хватило смелости, он быстро соскочил с дивана, натянул свои брендовые обтягивающие трусы, которые тут же неприятно прилипли к промокшим от спермы и женского сока гениталиям. «Жертва насилия» только-только успела застегнуть ремень на брюках, как в комнату вернулась врач.

Она спокойно посмотрела на него. В ответ он виновато улыбнулся с видом, будто мальчишка, который только что нашаллил, а она, Наталья, знает, в чем заключалась шалость, и попустительствовала ему в этом, но теперь отказалась признавать свое соучастие в недавнем «баловстве». Женщина никак не отреагировала на улыбку Евгения. С абсолютно спокойным лицом она проследовала в спальню и через минуту вышла оттуда в тех же джинсах и блузке.

– Ну, что? – обратилась она к Евгению. – Поедьте делать укол?

Пока ехали, никто не проронил ни слова. И лишь когда они вошли в больницу, - если так можно было назвать одноэтажное деревянное здание, покрашенное в синий цвет, - и Наталья уселась за стол, надела лежащие тут же очки и, строго взглянула поверх очков на пациента, она коротко сказала, кивнув на дверь:

– Проходите в процедурный кабинет, раздевайтесь до пояса.

Евгений прошел в соседнее помещение, краем глаза заметив, что врач достала из стола какие-то бланки. Здесь он, как и намерен в доме Натальи, снял брюки и, аккуратно повесив их на спинку рядом стоящего стула, уселся на кушетку.

Молодой человек со скупающим видом принялся изучать потолок, который, судя по закопченным углам и серому оттенку, давно нуждался в покраске. Он смотрел и думал, как все странно получилось. Буквально двадцать минут назад она делала ему минет и неистово дрожала, сидя на его члене, а теперь ведет себя так, будто ничего и не было. «Может, действительно ничего этого не было? – усмехнувшись сам себе, подумал он. – Или у нее такой способ самозащиты?».

С потолка его внимание перекинулось на пораненную ногу. Ранка заметно припухла. Сама царапина приобрела зеленовато-желтый оттенок, что само за себя говорило о нагноении, а краснота вокруг заметно увеличилась. «Только бы заражения не случилось», – мрачно подумал Евгений.

Вошедшая в процедурную Наталья отвлекла его внимание от тревожных мыслей. Их глаза встретились. Она окинула его взглядом сверху вниз, затем снизу вверх, и на ее лице, как снова показалось Евгению, промелькнула чуть заметная ироничная улыбка.

– А что это Вы без штанов сидите? – сухо спросила она. – Я же Вам сказала до пояса раздеться.

– Так ведь рана на ноге..., – начал было оправдываться растерянный Евгений.

– Ах да... - рана! – будто бы вспомнив, подхватила Наталья. – Ну, коль рана, то можно и штаны снять, а я то подумала ты продолжения хочешь. – И, лукаво подмигнув, она улыбнулась.

Евгений облегченно выдохнул, поняв, что стал объектом странного розыгрыша, устроенного добрым доктором для себя же самой. «Да-а, вероятно, она совсем одинока!» – подумал он.

– Может, и хотел бы, – отозвался он, – но, признаться, не до развлечений уже. Нога болит.

– Для тебя секс, может, и развлечение, а мне без него хоть на стены лезь, – серьезно ответила Наталья. – Постоянно мокрая хожу.

Она подошла к Евгению и еще раз аккуратно прощупала края раны.

– Да, возможен абсцесс, - констатировала она. - Я сейчас тебе ее промою и укол антибиотика сделаю. Потерпишь?

– Конечно! – согласился Евгений.

Аккуратно обработав рану какой-то обеззараживающей жидкостью, Наталья закрыла болячку ватно-марлевым тампоном. После чего заботливо всадила Евгению в ягодицу такой болевой укол, что ему показалось, будто бы его со всей силы пнули в зад каблуком кирзового сапога.

– У тебя там игла для слона, что ли?! – крикнув, процедил он.

– Расслабься-расслабься! – приговаривала Наталья, вводя раствор антибиотика. – Ишь задницу напугал!

По окончании процедуры она неожиданно по-хозяйски взяла его за член и, притянув к себе, поцеловала в губы.

– Ну вот и все, можешь надевать портки. Если не передумал, конечно.

Евгений не хотел обламывать женщину, тем более которая о нем позаботилась, но мысль о том, что он и так изменил Ане - так звали его девушку - угнетала его. Извиняющимся тоном он произнес:

– Я бы, конечно, не прочь, но неважно себя чувствую. Да и девушка у меня есть...

– Ну, девушке необязательно все знать! – перебила его Наталья. – А если человеку нездоровится, то тем более нужно ему помогать. Разве тебя в школе этому не учили?! Я же тебе помогла! – в ее голосе послышались нотки раздражения.

– Да-да! Я и не спорю! – торопливо согласился Евгений.

– Ну, вот и отлично, – холодный тон вернулся к Наталье, и, оставив молодого человека одеваться, она вернулась в приемную.

Фактически отказав женщине в повторном половом акте, хотя напрямую она ему этот акт и не предлагала, Евгений чувствовал себя прискверно. Казалось бы: с чего бы это он вдруг должен заниматься сексом с кем попало?! Тем более, что у него есть подруга! Но, как бы это не комично звучало, его мучала совесть. Он ощущал себя джентльменом, не выполнившим свой мужской долг перед дамой.

Выходя из процедурной, Евгений осознавал несуразность и неловкость положения. Если бы он мог, то с радостью ушел бы, не попрощавшись, лишь бы снова не вступать в разговор с женщиной, которой только что отказал и у которой так быстро и спонтанно меняется настроение.

– Ну, я пойду...? – неуверенно произнес молодой человек, тут же на себя разозлившись за свой «тряпочный» тон.

– Будь здоров! Привет девушке! – ответила врач, строго поглядев на него сквозь очки, всем своим видом давая понять Евгению, что ему давно пора сваливать, и она уже ждет не дождется, когда же он, наконец, выйдет отсюда.

Неуверенным шагом он пошел прочь, но остановился на пороге, обернулся и посмотрел на сидящую за столом Наталью. Ему стало ее так жалко! Внезапная нежность возникла в его душе к этой женщине. Он вдруг понял, даже скорее - почувствовал, насколько она одинока и несчастна. И вдвойне несчастна из-за своей зависимости.

В считанные секунды он представил, как внезапно с потерей мужа рухнули все ее планы, мечты, те небольшие надежды, которые еще теплились после переезда в эту глушь.

Первые ночи она одна ложилась в супружескую холодную постель в надежде: вдруг ее любимый сегодня вернется? Но он не возвращался ни сегодня, ни завтра, ни через месяц.

Мало-помалу она смирилась с утратой. И тут-то о себе напомнило или дало знать ее природное естество - повышенное, как назло, либидо. Или, возможно, возникшая на фоне сильного психологического стресса нимфомания – заболевание, называемое в народе «бешенство матки».

Каждый день одинокая. Томящаяся по мужской плоти... Неудивительно, что у нее так резко меняется настроение и она немного странно себя ведет.

– Ты что-то забыл? – голос Натальи вернул молодого человека в реальность.

– Наташа, – мягко сказал он, – а может, он еще вернется? Его искали?

В ответ она спокойно посмотрела на него с видом человека, привыкшего к этому вопросу, и так же спокойно произнесла:

– Конечно, искали! И было бы легче, если бы не нашли.

– Так, его нашли?!

– Нашли. Но не его, а только руку без двух пальцев... – ее голос дрогнул, и, всхлипнув, она заплакала, уткнувшись в рукава белого халата.

Евгений растерялся, не зная как поступить: броситься успокаивать ее или оставить одну? Он подумал: а как именно он ее собираются успокаивать? Подойдет и обнимет? Но он же не ее старый лучший друг, кто мог бы доверительно предоставить ей для плача свою рубашку! Будет успокаивать ее словами: "Успокойся, еще не все потеряно! Может, он еще вернется...!". "Ага! А руку без пальцев он так...- отпустил погулять!" – съерничал над собой Евгений. Или: "Да, все еще образуется!". "Что образуется? Ее муж?! Это полная ахинея!" – рассудил молодой человек. Поэтому победил второй вариант.

Переминаясь с ноги на ногу, он тихо произнес:

– Я еще вернусь, - и вышел из кабинета.

В общем-то, до знакомства с Андреем, - так звали ее исчезнувшего мужа, - Наталья была обычной, так сказать, среднестатистической девушкой. И требования от жизни у нее были среднестатистическими: любящий, неплохо зарабатывающий муж, дети, квартира, машина, летом поездки на юг. Из вышеназванного Андрей дал ей почти все и даже поболее, на юг они ездили не только летом, но и зимой, и не просто на юг, а на заграничные курорты. А вот детей он ей давать не спешил, потому что человеком он был практичным и считал, что их семья еще финансово не готова к появлению отпрысков.

Когда они начали жить вместе, Наталья была пока еще «почти девственницей». Почему «почти»? Да потому что до Андрея у нее был лишь один молодой человек, ее ровесник, который и отобрал у нее самое «дорогое», что у нее было - ее девственность.

Особыми сексуальными изысками и разнообразием он, - первый молодой человек, - Наталью не баловал. Как правило, это был скоротечный секс в позе «она снизу», от которого Наталья даже ни разу не получила оргазм. Из информации, почерпнутой из художественных фильмов, девушка знала, что при занятиях сексом женщина должна стонать и всем видом показывать партнеру, что ей хорошо. Это она исполняла успешно, а вот оргазма не было.

Отличие от ее первого партнера, Андрей был старше ее почти на шесть лет и в сексе был человеком искушенным. Судя по его рассказам, он имел не просто богатый сексуальный опыт, не только с одной девушкой, но и принимал участие в групповом сексе, и даже в оргиях, при большом стечении народа. В общем, как только Наталья стала жить с Андреем, она начала проникаться настоящим понятием – сексуальное удовлетворение. Первый свой оргазм она получила от куннилингуса, который был сделан весьма грамотно.

Когда Андрей впервые стал целовать ее ТАМ, Наталья поначалу очень стеснялась и никак не могла расслабиться. Но тот оказался человеком терпеливым и настойчивым, и девушка «сдалась» первой. Ее тело и мозг «устали» сопротивляться, тогда-то ее "интимный бугорок", - который как раз и дан женщинам для получения сексуального удовольствия, - и ощутил приятное щекотание, а потом уже и стон вырвался не искусственный, а непроизвольный. Так малопомалу, словно книгу, страницу за страницей, Андрей раскрывал сексуальность Натальи.

Как-то раз он задал ей неожиданный вопрос, который ввел девушку в ступор и вогнал в краску. Не хочет ли она попробовать секс с еще одним мужчиной? Наталья очень оскорбилась таким беспардонным вопросом, устроила скандал. На все аргументы со стороны мужа, что

это помогло бы ей раскрыть еще одну чувственную грань, было лишь два ответа: «Ты меня за шлюху принимаешь?!» и «Я не смогу ни с кем кроме тебя!» В общем вопрос о групповом сексе был закрыт.

Однажды, накануне Нового года, Наталья, придя домой, обнаружила сюрприз. Андрей открыл ей дверь, одетый в домашний, с расцветкой на восточный манер, халат. Пряный запах благовоний наполнял воздух, а мягкий свет свечей освещал квартиру. Играла негромкая романтическая музыка. В комнате, на придиванном столике, девушка увидела бутылку красного вина, два бокала и коробку шоколадных конфет. Тут же, в высокой вазе стояла роскошная бордовая роза. Наталья, в шутку, поинтересовалась по какому случаю этот «банкет». На что Андрей предложил ей ничего не спрашивать, иначе не получится сюрприза и нежно поцеловал в шею.

Он наполнил бокалы и, звякнув стеклом о стекло, они отпили вина. Затем Андрей, намекая на предстоящий интим, шутливо предложил Наталье переодеться во что-нибудь полегче, что она и сделала. Проводив девушку в спальню, которая, под стать остальной обстановке, так же была освещена светом свечей, он стал целовать ее в губы, укладывая на кровать. Вместе с тем, его рука уже занималась той частью, что находилась между ее стройных ног.

Наталья знала эти прикосновения и уже была готова вкусить результат, к которому они приводят. Девушка почти сразу сделалась влажной. Страстно дыша, она отвечала мужу таким же жарким поцелуем, а ее рука привычно нащупала его напряженный орган.

Приятная слабость и головокружение от выпитого вина, вперемешку с нарастающим возбуждением, разливались по телу девушки. Наталья догадывалась, что будет дальше: сейчас он поцелует ее клитор, и она, как всегда, кончит, потом она сделает ему минет, после чего он войдет в нее и будет еще один оргазм, а потом он изольется ей на живот или еще куда-нибудь.

Достав откуда-то сбоку черный шелковый платок, Андрей предложил завязать ей глаза. Наталья удивилась, он впервые предлагал такую игру. Новая затея интриговала и возбуждала еще сильнее. Она согласилась.

Когда глаза были завязаны, уже ничего не мешало разогретой девушке внимать тактильным ощущениям. Теперь никакие зрительные образы не отвлекали ее. Она почувствовала, как он раздвинул ей ноги, и язык мужа проник туда, куда им обязан время от времени проникать каждый любящий и уважающий свою женщину мужчина, если он хочет доставить ей истинное удовольствие.

Влияние алкоголя усиливало восприимчивость Натальи. Двигая телом в такт играющему ее "бугорком" языку, она ощутила как пальцы Андрея легли ей на грудь. Сначала он нежно, чуть касаясь, водил ими по ореолу, вокруг розовых бугорков, отчего они начали набухать, а сладкая истома интенсивнее наполнила тело девушки. Когда соски затвердели и стали походить на две розовые вишенки, девушка почувствовала, как пальцы сжали их, при этом работа языком не прекращалась ни на секунду. Теплые волны возбуждения побежали по телу в преддверии разрядки. Напряжение сделалось настолько сильным, что казалось вот-вот, и Наталья выплеснет всю свою страсть на «виновника» удовольствия. Она уже собралась испытать пик наслаждения, когда сильные мужские руки развели ее ноги шире.

Девушка ощутила, как тупая, трепещущая плоть входит в нее, распространяя сладкий импульс по всему телу. Наталья задохнулась от наслаждения, мурашки побежали по ее бедрам. Голова кружилась, обоняние улавливало аромат благовоний, смешивающийся с ароматом мужских феромонов. Ее тело, грациозно извиваясь, усердно задвигалось в такт невидимому партнеру. Невидимые пальцы, играющие ее грудью, усиливали и обостряли возбужденные чувства девушки. Наталья почувствовала, как что-то коснулось ее губ.

Она тронула предмет языком. Это был он, тот атрибут, который отличает мужчину от женщины. В порыве страсти он тут же был нетерпеливо сжат нежной рукой девушки и с жадностью втянут ее ртом.

Постанывая и вскрикивая, источая влагу и жаркую энергию, Наталья двигалась навстречу движениям Андрея. Обхватив ягодицу партнера свободной рукой, она тянула его к себе, стараясь усилить его толчки, будто хотела, чтобы он ее проткнул. Одновременно, с не меньшим неистовством, она ласкала то, что только что оказалось в ее руках. Это длилось пару минут.

Внезапно, в затуманенном сексуальной эйфорией сознании девушки, проявился обрывок ясной мысли. Разогнав туман страсти, мысль мгновенно разрослась, вызвала панику, заставила напрячься все тело и, как следствие, вызвала сокращение всей мускулатуры. Не в силах прервать объявивший ее оргазм, продолжая по инерции двигаться в такт партнеру, Наталья сорвала с глаз повязку.

Рядом с ней на коленях стоял Андрей, которого она только что жадно ласкала, но, к ее смущению, удивлению, гневу и... еще более усилившемуся оргазму, она обнаружила, что между ее ног, находился другой молодой человек.

Это был знакомый ее мужа, звали его Эдик, и Наталья знала его. Он несколько раз был у них в гостях на Дне рождения Андрея. Нестандартная, шокирующая обстановка действовала подобно детонатору во взрывчатке. Оргазм, который уже и так был на пике, подхлестнул девушку словно молодую кобылку, Наталью затрясло. Не в силах контролировать свое тело, она зажмурилась, вцепилась в Андрея, - впоследствии он признался, что тогда испугался, что она оторвет ему его «хозяйство», - и сладострастно громко завывала, рискуя напугать соседей. Перед глазами поплыли цветные круги и полосы. Несколько раз ее тело напрягалось, сковываемое сладкой судорогой, и каждый раз она в голос вскрикивала и подвывала. Сюрприз удался.

Потом был скандал. Потом примирение. А потом... Потом она подошла к Андрею, нежно поцеловала его и, попросив прощения, сказала:

– Спасибо за сюрприз! Извини, что не сразу оценила его. Думаю, никто кроме тебя не смог бы подарить мне такое! Наверное, это была вершина того, на что я способна!

– Время покажет! – улыбнувшись, ответил Андрей.

С тех пор внутри Натальи будто что-то вызрело. Ощущение секса стало глубже и чувствительнее. Теперь в стрессовых ситуациях, можно сказать, что не в тему, но Наталья сразу становилась влажной и начинала испытывать сильное желание секса. Так что в ее случае не было ничего странного в том, что случайно попавшийся на ее пути Евгений, «ворвавшийся» из города в их глухомань и смущающийся своего обтягивающего нижнего белья, не остался обделен «вниманием» одинокой темпераментной женщины.

Проплылив по большаку и вырулив на бетонку, Евгений размышлял о сегодняшних напастьях и приключениях. Теперь он был уверен, что покупает этот дом, хотя совсем забыл спросить и посмотреть, есть ли при доме баня. Та странная ступа совсем сбила его с толку, ну да это неважно. На крайний случай баню можно поставить. Наверняка в деревне найдутся опытные плотники, которые, как водится в большинстве русских деревень, буквально за бутылку сделают добротный сруб.

Любуясь проносящимися за окном пригородными пейзажами, он пытался освежить в памяти образ Любы, но всякий раз перед глазами возникала менее свежая Наталья и ощущение ее влажной промежности. Но это воспоминание тоже принесло свой, хоть и неактуальный, но плод – член Евгения привстал, и ему стало тесновато. Совесть молодого человека сейчас же нарисовала перед ним непростую дилемму: «Как быть с Аней?»

Он был честным парнем и с трудом представлял, как сможет скрыть от нее сегодняшний грешок. С одной стороны - молодой человек надеялся, что Аня поймет ситуацию, в которой он оказался. Поймет ситуацию, в которой оказалась Наталья, и тоже пожалеет ее. С другой – трезвый рассудок подсказывал ему, что мало кто из женщин понял бы это, а Аня не была исключением. Да и сам он, если бы Аня вдруг изменила ему при схожих обстоятельствах, скорее всего, даже если и понял бы ее, по-любому устроил страшный скандал. Она просто может послать его подальше и уйти. Евгению этого крайне не хотелось, и он решил молчать.

Когда молодой человек выехал на трассу, его начало знобить, тело ломило. Было ясно, что это поднялась высокая температура, организм борется с воспалением. «Этого еще не хватало! – подумал Евгений. – Завтра на работу и документы на дом нужно оформить».

Он работал старшим менеджером в одной крупной компании, занимающейся оптовыми закупками и продажей бытовой техники. Благодаря врожденной способности находить с людьми общий язык и распутывать сложные рабочие моменты, которые нередко возникали, он всего за три года дослужился до занимаемой им должности. Поначалу было непросто, зато теперь, когда клиентская база была наработана, а шефа он звал просто - Коля, Евгений мог всего пару раз в неделю появляться в офисе.

Все дела и переговоры в основном осуществлялись либо через Интернет, либо по мобильному телефону. Шеф - Коля не только ценил Евгения как работника, но еще и опасался, что в случае конфликта тот переметнется в какую-нибудь другую фирму со всей клиентской базой. Посему проценты со сделок были щедрыми, а все конфликты затухали, не успев разгореться.

Доехав до дома, Евгений чувствовал себя совсем разбитым. Голова была тяжелой и раскалывалась от боли, нога тоже болела. Плохо соображая, он практически на «автопилоте» поставил машину на стоянку и включил сигнализацию. В таком состоянии было бы менее странным, если бы он забыл это сделать.

Молодой человек как можно быстрее вошел в подъезд, и лишь в лифте немного расслабился. Прислонившись к стене и запрокинув голову, он закрыл глаза и слушал мерный гул работающего двигателя, пока лифт поднимал его на двенадцатый этаж.

К счастью, на лестничной площадке Евгений никого не встретил, ему сейчас меньше всего хотелось с кем бы то ни было общаться.

Отперев дверь, он шагнул в темную прихожую, которая тут же осветилась электрическим светом, включающимся от сенсорных датчиков движения. Евгений на миг прислушался. Ани не было дома. Он механически глянул на наручные часы. Времени было без пятнадцати десять. Будь он в нормальном состоянии, то, конечно, сразу озабочился бы столь поздним отсутствием своей подруги, но в данный момент ему было не до этого. Хотелось скорее упасть в постель.

Наспех сняв костюм, он быстро прошел в ванную и принял душ.

Несмотря на то, что его била лихорадка, после целого дня разнообразных событий, включая подъем на чердак и «все» остальное, душ молодой человек не мог пропустить. К тому же он знал: если сильный жар, то, несмотря на озноб, которым он, как правило, сопровождается, нужно принять прохладный душ. Это обычно понижало температуру и становилось легче.

Евгений старался не мочить рану, но повязка все равно намокла, пришлось ее снять. Он боялся увидеть еще более сильное воспаление, но, к счастью, красный ореол оставался в тех же границах. Это несколько взбодрило. Выпив две таблетки аспирина, Евгений упал на широкую кровать, укутался одеялом и, стуча зубами, забылся беспокойным болезненным сном.

Сначала ему снились какие-то сообщения, которые во сне назывались файлами. Сообщения он должен был высылать почти как через Интернет, но делал это на фоне неба. Перед глазами возникала какая-либо фраза, написанная очень крупным шрифтом. Евгений делал движения руками, как бы сжимая эту фразу. Определенным образом махнув левой рукой, он отправлял эту фразу-«файл», и фраза моментально будто бы улетала в небо, то есть исчезала. И так он все сжимал и сжимал, отправлял в небо и отправлял.

Он несколько раз просыпался и, понимая, что это болезненный сон из тех, что бывают при высокой температуре, снова засыпал с надеждой, что, прервав сновидение, он больше не будет видеть эту дребедень. Ведь очень редко бывает, чтобы после пробуждения продолжало сниться то же самое. Но сегодня ему не везло, сон продолжался тот же самый.

Как бы там ни было, но все таки сновидения перешли в другую фазу.

Снилось, что Евгений идет по берегу той самой реки к дому своей мечты. Причем по тому берегу, на котором стоит дом. Он уже его видит. Дойти-то осталось каких-то пятьдесят метров.

Ярко светит солнце, вода в реке искрится, и настроение отличное. Вдруг что-то необычное среди лучистого течения привлекает его внимание. На сердце резко начинает становиться грустно и тревожно. Но Евгений так хочет поскорее оказаться в доме! Может - а ну его?! То, что привлекло внимание! Однако он не в силах отказаться от задуманного. Он должен подойти к берегу. В глубине души он даже знает, что он там увидит, но еще не осознал явно.

Молодой человек приближается к воде. Так и есть! Он предчувствовал нечто подобное: покачиваясь на прибрежных волнах, в воде плавает труп девушки. Евгений созерцает разбухшее и обезображенное тело. Один глаз вытек, второй выкатился мутным теннисным шариком. Кругом тихо, слышен только спокойный плеск воды. Несмотря ни на что, он узнает, чье это тело. Это Люба.

Евгений чувствует, что нужно скорее уходить, иначе случится что-то страшное, но долг зовет его вытащить труп из воды. Он подходит ближе. Принаравливается, как бы поаккуратнее ухватить его, чтобы как можно меньше касаться. Протягивает руку и... Тут утопленница сама хватается его за руку и, не поворачивая головы, лишь косится на него своим мутным «теннисным шариком».

Евгений в панике пытается высвободить свою руку из холодной хватки, но та тянет его к себе. Как всегда во сне, движения получаются очень неловкие и медленные. Он кричит, слезы начинают течь из его глаз... Тут он падает и оказывается в избе.

Здесь сумрачно, и воздух кажется вязким, настроение остается тревожным, хотя об утопленнице уже забыто - и в мыслях нет. Здесь уже совсем другая тема.

Тревожное настроение было неспроста, и сумрак тоже. В углу избы горит лампада, а посреди на какой-то высокой подставке стоит гроб. Евгений видит, что гроб не пустой, в нем кто-то лежит, но при столь убогом освещении нельзя разобрать, чье это тело. Да не очень-то ему это и надо. Тревога нарастает. Он вовсе не хочет знать, кто там. Он даже не будет пытаться подойти и разглядеть труп. Он просто потихонечку уйдет отсюда. И дом этот ему не нужен. Пропади он пропадом!

Конечно же, нелепо в бодрствующем состоянии предположить, что мертвый может зашевелиться. Но во сне Евгений почему-то вполне серьезно и в панике именно этого и боялся. Пятясь к двери, он почти как молитву читал: «Только бы не зашевелилось! Только бы не зашевелилось!» – и, конечно же, оно - тело, зашевелилось и село. Сердце молодого человека было готово разорваться от ужаса. Хотелось кричать. В этот момент он спиной наткнулся на стену.

Евгений судорожно, боясь потерять зрительный контроль над происходящим в гробу, руками и спиной пытался нащупать дверь, но дверь не находилась. Стена казалась бесконечно широкой. Он метался справа налево и наоборот, двери не было.

Между тем труп выпрыгнул из гроба и, громко топая то полу, словно у него были деревянные башмаки, мелко засеменял к Евгению. В полумраке молодой человек уже начал различать ужасную внешность. В отчаянии он повернулся к мертвецу спиной, надеясь хотя бы так найти заветный выход. Спиной он чувствовал приближение и слышал страшный, глухой, звучащий как из бочки голос. Хоть голос и был низким, однако скорее принадлежал женщине. Труп промолвил:

– Иду, иду!

Евгений со всей силы уперся руками в стену, толкнул ее и... толкнул лежавшую рядом Аню на пол. В процессе чего и сам проснулся.

Ничего не понимающая спросонья девушка показалась из-за края кровати с нахмуренным лицом. Заспанным голосом она поинтересовалась: не охренел ли Евгений часом? Но, увидев на его лице не меньшее недоумение, вернулась в постель и, повернувшись к нему спиной, снова уснула.

Молодой человек посмотрел на часы, было полпятого утра. Какое-то время он еще лежал с закрытыми глазами, чувствуя, что температура спала и во всем теле ужасная слабость, словно

после изнуряющей тренировки. Во рту было сухо, он облизал запекшиеся губы и, хотя вставать было очень неохота, заставил себя сходить на кухню выпить воды. С омерзением вспоминая свое сновидение, он вернулся в постель и, подумав: «Хорошо, что сон это только сон!» – обнял Аню и снова заснул.

2

Всю ночь во сне я что-то знал такое вот лихое

Что никак не вспомнить ни мене ни тебе

Ни мышу ни камышу ни конуре ни кобуре

Руками не потрогать

Словами не назвать.

Е. Летов «Песенка о святости, мышие и камышие»

Выше мы уже говорили, что по природе своей Евгений был человеком честным, дорожил семейными ценностями и отношениями со своей девушкой. Всем известно, если человек и ищет свою «вторую половину», мужа ли, жену ли, то старается найти человека под стать себе и по характеру, и по взглядам, даже если делает это бессознательно. Правда, это получается нечасто. И если совершенно разные люди скрепили-таки свои отношения узами брака или, не дай Бог, узами ребенка, то потом им приходится либо всю жизнь смиряться, терпеть друг друга, порой тихо, а порой и в открытую ненавиз. Или же они пытаются подстроиться один под другого, что, конечно же, более приемлемо.

В случае отношений Евгения и Ани, то самое и происходило. Вернее, Евгения-то все устраивало, и не потому, что он был чересчур покладист, но потому, что Аня умела весьма удачно притворяться. Жила она с ним не столько по любви, хотя, конечно, некоторые чувства у нее к нему были, сколько из расчета.

Во-первых, Евгений имел неплохой доход, во-вторых, у него была своя квартира, в-третьих, он к ней очень хорошо относился и никогда не устраивал сцен ревности. Он полностью доверял своей девушке, а напрасно.

Аня была стройной высокой блондинкой с длинными прекрасными волосами, достигающими ей почти до пояса. У нее были не совсем идеальные, но не лишенные сексапильности ноги, и небольшая, но красивая, в форме чашечек, грудь. Кожа девушки была почти идеально гладкая, а небольшая родинка на правой щеке выгодно дополняла приятный овал лица и красивые серые глаза.

Был в ее внешности небольшой недостаток, как считала Аня, это светлые, как у большинства натуральных блондинок, ресницы и брови, что она успешно исправляла при помощи косметики.

В Ленинград Аня приехала из Свердловска три года назад. Она хотела поступить в университет, но вступительные экзамены провалила. А так как уезжала она из родных мест с пафосом, с гордо поднятой головой, в джинсах со стразами, туго обтягивающими упругий зад, на высоких каблуках и огромным количеством «тараканов» в еще не окрепшей девичьей голове, то вернуться обратно так, ни с чем она не могла. Для нее это было равносильно тому, как если бы рыбак ушел удить рыбу на озеро, с которого никто никогда пустым не возвращается, а он ничего не поймал. Пришлось устроиться на работу в ночной клуб.

Сначала Аня работала официанткой, пришлось каждую смену «давать» администратору Диме. Дима обещал, что с ее внешностью он скоро сделает из Ани известную фотомодел, потому что у него есть знакомый, который работает в известном модном журнале главным редактором.

В перерывах между обслуживанием клиентов они уединялись где-нибудь в подсобке и занимались «этим». Сначала Аня воспринимала «это» как некую часть работы, совершенно без эмоций. Дима не очень-то ей нравился. Невысокий, с полным лицом, пухлыми руками и

округлым, нависающим над брючным ремнем животиком. Но потом она стала привыкать к его внешности, а потом «застенчивый» Дима решил сделать то, до чего он, - как в выяснилось процессе, - был страсть как падок. Он поцеловал ее «туда», и сделал это так неистово, можно сказать взхлеб, потому что смачно причмокивал. Аня даже на минуту испугалась, что он съест ее «пирожок», а потом... она испытала оргазм. Дима кончил тоже – перевозбудился.

Для Ани это был первый опыт куннилингуса и сильного оргазма. До этого ей его никто никогда не делал. После такого «эпического» события она прониклась тайными перепихонами и даже сама порой подбивала Диму уединиться. Можно сказать, что девушка на тот период жизни была немного счастлива. Ее вот-вот ожидала карьера фотомодели, ей доставляли сексуальное удовлетворение, а еще Дима, кажется, в нее влюбился и говорил, что скоро она переедет жить к нему, на тот момент она жила еще с несколькими девушками из клуба на съемной квартире, а точнее, в двух смежных комнатах в огромной коммуналке.

Вообще это странное уродливое явление - коммунальные квартиры, вызывает неподдельное удивление. Как можно абсолютно чужих людей, даже не родственников или друзей, - с которыми еще можно пойти на компромисс, хотя даже между братьями бывают ссоры, а в принципе - чужих, - селить в одной квартире?! Каждый человек имеет свои взгляды на жизнь, моральные нормы, религию и т. д.

Например, очень сложно убедить нового соседа, что мочиться мимо унитаза, или по пьяни, среди ночи вести в полный голос беседу с самим собой, срываясь на крик – это ненормально.

Коммуналки зародились в России в XVIII веке. Во времена октябрьского переворота они набрали большую популярность, но это понятно - времена тогда были такие: сначала их придумали, потом разруха, молодая республика и тому подобное. Но все в мире, развиваясь, совершенствуется! Как говорят историки: "В старину в Европе бань не было и мыться было не принято", но теперь-то моются, и у каждого европейца в его отдельной квартире есть по крайней мере душ. Совершенно непонятно, почему в России коммуналки по-прежнему сохранились? И это в XXI веке! В такой могущественной стране, которая стала победителем в такой ужасной Великой Отечественной войне! В стране, в которой совершалось и совершается столько научных открытий! Такое ощущение, что это поддерживается искусственно. Причем на сегодняшний день, наверное, наибольшее количество коммунальных квартир сохраняется в великом городе с прекрасной классической архитектурой, пережившем страшную блокаду, в так называемой культурной столице России – в Ленинграде (Санкт-Петербурге)! Вроде бы - мелочь в общем масштабе, но из мелочей и состоит общее! Посему, все из тех же мелочей, можно предположить, что величие страны несколько подрадуто.

Но вернемся к Ане. Прошла еще пара недель, но Дима так и не приглашал Аню к себе, она даже ни разу не была у него в гостях. У Димы постоянно находились причины, то мама в гости приехала, то воды горячей нет. Поэтому встречи и любовные утехы происходили в основном либо в клубе, либо у нее в комнате.

Как-то во время одной из таких встреч Дима остался у нее на ночь. Накрыли стол, пригласили остальных девчонок. Посидели, от души выпили, закусили, уснули. Ночью Аня проснулась от того, что ее во сне усиленно качало. Первое, что она сообразила, качало ее не во сне, а в самом деле. Второе, что ее невыносимо тошнит и вот-вот вырвет. И третье, она обнаружила источник качки. Рядом в темноте лежал Дима и с вождением «приходо вал» одну из ее сожительниц. Спяну и в потемках Аня не разобрала, кто это, но разобрала, что Димина партнерша охотно ему подмахивает. От этой «картины маслом», Ане сделалось еще хуже и ее стошнило прямо на совокупающуюся парочку.

Конечно, разразился скандал. Без рукоприкладства, Дима был выставлен за дверь, облеванный и без штанов, он их не успел надеть. Умелой подмахивальщицей, - при электрическом освещении, - оказалась Катя. Катя очень удивилась Аниной реакции, а также тому, что та не в

курсе, что Дима женат и имеет стойкую тенденцию спариваться с большинством официанток клуба, если те не отказывают. В общем, Аня была разочарована до глубины души и на следующий день уволилась, оставшись без жилья и без работы.

При таких спонтанных решениях лицо, совершившее подобный поступок, безусловно тешит и потакает своим принципам, но часто не успевает подумать о последствиях. Повезло (повезло ли?), что Катя не затаила на Аню зла за ночные разборки. Когда девушка забирала свой нехитрый скарб, состоящий из чемодана на колесиках и большой спортивной сумки, Катя дала ей визитку одного эскорт-агентства.

В чем заключаются обязанности при работе в эскорт-услугах Аня не знала. Катя ей сказала, что нужно сопровождать клиентов в кино, театр, ресторан, в общем, куда закажут, но в основном это увеселительные заведения. Перед Аниным взором сразу же промелькнули такие образы: она с хорошо одетым спутником в ночном клубе, за столиком потягивает дорогой коктейль. Она с хорошо одетым спутником едет в лимузине, и вот они уже сидят в дорогом ресторане, а учтивый официант учтиво прислуживает им... и так далее. А потом за это все она еще и получает деньги.

Когда Аня позвонила по номеру, указанному в визитке, ей кратко объяснили почти то же самое, что ей рассказала Катя, и предложили приехать для собеседования.

Оставив свои вещи в камере хранения Московского вокзала, девушка поехала на собеседование. Она ожидала, что ее пригласят в цивильный офис, вместо этого она оказалась в квартире, по которой щеголяли полуодетые лица женского пола, от совсем юных, которым с натяжкой можно было дать лет пятнадцать, до дам весьма зрелого возраста. Аню встретила приветливая женщина на вид лет сорока, она проводила ее на довольно уютную кухню и там рассказала ей суть работы. А работа заключалась в торговле своим телом, а если сказать точнее, своими половыми органами.

Ей предлагался процент с каждого клиента, плюс бесплатное проживание. В первые секунды Аня испытала смешанные чувства, как реакцию на бестактное предложение, начиная от презрения и заканчивая страхом. Сколько раз она слышала о проститутках, как об опустившихся грязных и больных девках, к тому же, зачастую, наркоманках с целым букетом венерических и прочих заболеваний. Девушка уже порывалась немедленно оставить неприятную квартиру, но мягкое прикосновение руки заботливой администраторши и ее спокойный голос, которым она посоветовала не торопиться делать выводы, а подумать, остановили ее.

Просидев около часа на кухне, время, за которое ее напоили кофе с пирожками и она успела познакомиться с парой девушек, одна из которых оказалась студенткой юридического факультета, а вторая вовсе не приезжей, а жительницей Ленинграда, ее мнение на счет предложения немного пообмякло. А еще через полчаса она поехала за вещами на Московский вокзал.

Работа оказалась не такой уж жуткой, в квартире постоянно присутствовали два охранника, они же водители, которые развозили девочек по вызовам. Клиенты обязаны были использовать презервативы, целоваться в губы никто не принуждал, да и почти никто из клиентов не рвался этого делать. Разницы между «необходимым» траханьем с Димой в подсобке и работой здесь практически не было. Только тут ей еще платили деньги и никто не шантажировал. Через месяц Аня совсем свыклась с новой работой и время от времени даже стала получать с клиентом оргазм, - хоть и говорят, что в данной деятельности оргазм – это табу, - в основном когда тот хотел полизать ее. Но скоро жизнь молодой провинциалки круто изменилась.

В один вечер она поехала на вызов. Когда, приехав по адресу, Аня вошла в подъезд, где дежурили два вооруженных охранника, она сразу догадалась, что клиент не из простых. А войдя в квартиру, которая своими мозаичными полами, выполненными где из камня, где из наборного паркета, картинами и скульптурами больше напоминала Эрмитаж в миниатюре, окончательно убедилась в том, что немолодой уже мужчина в шелковом халате является отнюдь не владельцем какого-нибудь кафе. Тут уже очень серьезный клиент.

Дяденька явно был женат - на столиках и на стенах тут и там попадались фотографии детей и всей семьи. Жена клиента, судя по всему, была много моложе его. Но, впрочем, ведь многие «знающие себе цену модели» выходят замуж не за возраст и не за человека, а за его состояние.

Аня оставалась у него почти всю ночь. За бокалом вина и фруктами при свечах они долго беседовали о жизни, о сексуальных предпочтениях и о прочей ерунде. Впрочем, не столько беседовали, сколько клиент расспрашивал Аню.

Потом они вместе приняли ванну. Под приятные пузырьки джакузи мужчина попросил, чтобы Аня мастурбировала перед ним. Просьба для нее была весьма нестандартной, она еще никогда ни перед кем не мастурбировала. Девушка опасалась, что в такой ситуации ей будет не просто симулировать возбуждение. Аня сделала как он просил, и, - к ее удивлению, - под строгим взглядом умудренных годами, почти отеческих, глаз... кончила. На что клиент заметил:

– Неправда ли, весьма необычно и приятно делать это, когда на тебя кто-то смотрит?

Была уже четверть четвертого, а мужчина, максимум, что сделал - погладил ее по колену, больше никаких прикосновений. Это интриговало, спокойствие и пассивность клиента вызывали нездоровое любопытство. Ане вдруг представилось, что он не простой, а очень изощренный и умелый на сексуальные утехы. Девушка расфантазировалась до того, что уже была готова отдаться ему бесплатно, и хотя каждый проведенный у него час стоил немалых денег, будь ее воля, она, пожалуй, поступила бы так. Клиент, как будто, заметил ее эмоциональное состояние. Он взял сотовый, кому-то позвонил и, когда на его вызов ответили, коротко произнес:

– Готово.

Через три минуты раздался звонок в дверь. Аня была сопровождена в спальню, на огромную кровать с балдахином, завешенную пурпурной полупрозрачной тканью, где ей был налит еще один бокал вина. Мужчина оставил ее, сказав, чтобы она готовилась.

«Кто бы это мог быть? – размышляла Аня. – Неужели жена?». При этих мыслях настроение девушки существенно подпортилось. Она представила скандал, семейные разборки и себя - крайней. Но после пары глотков из бокала, ей стало почти все равно. Приятная нега, будто бы, размягчила и расслабила тело. Краски и, без того мягкий, свет свечей стали еще мягче; по организму разливалось тепло. В спальню вошел хозяин квартиры в сопровождении двух молодых обнаженных мужчин. Подойдя к Ане и поцеловав ее в губы, клиент сказал только одно слово:

– Наслаждайся!

Он взял из ее рук бокал с недопитым вином. Сев напротив кровати в просторное старинное кресло, мужчина, сделав несколько глотков из того же бокала, стал наблюдать за происходящим.

Тандем молодых людей взобрался на кровать, и, уложив Аню на спину, они принялись осторожно гладить ее тело руками. Девушка догадалась, что затеял ее клиент, но она была непротив, хотя об этом они не договаривались. Последний бокал «волшебного» вина довел ее, и без того обостренный, настрой до нужной кондиции.

Один из мужчин мерно поглаживал ее плечи и шею, медленно приближаясь к груди, второй же, начав с пальцев ступней, не менее умело дошел до бедер и, касаясь их внутренней поверхности, осторожно подбирался к промежности девушки. Ее голова кружилась, Аня чувствовала, как по телу бегут приятные ручейки мурашек, а дыхание становится более глубоким, более страстным. Она закрыла глаза, чтобы отдаться лишь ощущениям прикосновений. Девушка понимала, что подобного опыта, может быть, больше никогда в ее жизни не случится.

Когда мужчина, - который начинал с ее шеи, - мягко коснулся сосков девушки, они мгновенно отреагировали, начав твердеть. Аня почувствовала, как прикосновение отозвалось у нее внизу, усилив чувство прикосновений мужчины, который начинал с ее ног, и уже осторожно гладил ее самую интимную зону, однако пока ни разу не коснулся ее самой главной, чувстви-

тельной части. Тут же девушка ощутила, как что-то теплое и мягкое коснулось ее губ, она догадалась, что это, и, приоткрыв рот, тронула это языком. Почти одновременно с этим она почувствовала, как язык нижнего мужчины настойчиво проникает туда, чего только что, намеренно, избегали касаться его пальцы.

Аня непроизвольно напрягла бедра и подала таз вперед, отчего язык мужчины скользнул глубже, чем он, возможно, рассчитывал. В самое "пекло" страсти. Тело девушки задрожало. Она ощутила, что неукротимо погружается в оргазм, и уже не она сама, а скорее ее основной инстинкт, управляя телом, заставил схватить то, что касалось ее губ, рукой за самое основание и с жадностью погрузить его себе в рот. За время работы ставший уже опытным, язык девушки неистово работал, а тело билось в конвульсиях наслаждения.

Девушка кончила, или ей так показалось, потому что оргазм не оборвался словно струна, а будто бы натянулся, повис на самой тонюсенькой ниточке, но продолжал длиться. Ощущение трепещущей плоти во рту и осознание того, что ею «занимаются» двое, усиливало ее и без того гипертрофированное от последнего бокала вина возбуждение. Аня чувствовала, как верхний мужчина целует ее груди, а нижний продолжает ее лизать, все это смешивалось в один бурлящий энергетический поток, который снова грозил низвергнуть ее в самую пучину наслаждения. Нить, на которой завис ее первый оргазм, стала крепче. Она росла и утолщалась. Страстно дыша, иногда срываясь на стон, Аня приближалась ко второй разрядке.

Но тут верхний мужчина, можно сказать силой, извлек вожделенный Аней «прибор» из ее рта и лег на спину, уложив девушку на живот поверх себя. При этом сама девушка не открывала глаз. Она постаралась расслабить все тело, насколько это позволяло ее неистовое возбуждение. Аня представила себя игрушкой для удовольствий, дав «мальчишкам» вволю наиграться.

Как только она оказалась поверх горячего, дышащего жаром и феромонами тела, Аня почувствовала, как «то самое», что только что заполняло ее рот, упирается в нее, но уже снизу, словно хочет ее проткнуть. Стоило девушке слегка раздвинуть ноги, как "кусочек плоти" с легкостью скользнул в горячий жадный «зев», который тут же сжался. У Ани перехватило дыхание.

Когда партнер начал двигаться, она уже не могла ограничиваться лишь редкими стонами, а перешла на вскрики и подвывания при каждом толчке. Девушка ждала, что второй мужчина подойдет спереди и снова утешит ее «сосочкой» для взрослых девочек, однако этого не произошло. Вместо этого Аня почувствовала, как ее упругого зада деликатно коснулся нежный, но уверенный палец. Она вздрогнула и на мгновение замерла.

В плане секса с "черного хода" Аня была девственницей, и данная услуга оговаривалась заранее, как правило, за отдельную плату. Но, как уже было сказано выше, под действием «специального» вина все острые углы притуплялись, а напряженные моменты расслаблялись. Аня не стала противиться.

Она только позволила себе открыть глаза и бросить взгляд на клиента. Тот сидел в кресле, халат его был распахнут, глаза горели от возбуждения, он буквально пожирал ими разворачивающуюся на кровати сцену, а его рука играла с его же возбужденным органом. Эта картина сначала, смутила Аню, но вместе с этим ее возбуждение возросло. Молодое, еще не начавшее дряблеть тело девушки еще сильнее сдавило предмет, который сейчас доставлял ей радость, а его обладательница снова кончила, и снова как бы не до конца, оставив оргазм тянуться на тонкой ниточке.

Между тем, а вернее будет сказать - между Аниных аппетитных ягодич, шаловливый палец продолжал свое вкрадчивое дело. Вместе с непонятно откуда взятой смазкой он мягко скользнул внутрь, и некоторое время оставался там неподвижным, позволяя девушке привыкнуть. Когда же она немного приспособилась, в действие вступил второй, а потом и третий пальцы. Возможно, в трезвом состоянии это и вызвало бы у Ани чувство некоего дискомфорта, но не сейчас. Когда девственная попа была готова принять мужчину, партнер снизу прекратил

все движения и вышел из распаленной партнерши. Наступила минутная пауза, даже клиент прекратил свое рукоблудие.

Когда второй мужчина входил в Аню с «другой стороны», ей показалось, что ей туда вводят огромный кол и первые секунды было очень неприятно. Но вот он потихоньку задвигался. Дискомфортные ощущения стали медленно отступать, и девушка снова почувствовала возбуждение и ту самую неразорвавшуюся струну, которая, в этот раз, почему-то стала утолщаться быстрее.

Чувство наслаждения было резче и сильнее, чем при обычном, классическом акте. Аня не понимала, почему это происходит, ведь эта часть тела предназначена для других целей. Сколько раз она слышала про данный вид секса, или видела это в порнофильмах, и всякий раз удивлялась, почему женщины на это соглашаются? Теперь она знала.

Анина плоть более не желала оставаться безучастной. Девушка принялась двигаться в такт, приводящему ее в экстаз, партнеру. Ее голова кружилась, пик наслаждения подступал. Аня уже была готова снова испытать оргазм, и на этот раз она знала - ниточка оборвется. Мужчина, который несколько минут назад вышел из нее, снова занялся прерванным, приятным делом. Теперь уже два дамских угодника, словно два застрявших в норках крота, бодро забились в теле девушки.

Сначала Аня потерялась. Потом у нее создалось впечатление, что партнеры заполнили все ее тело, а сама она состоит из тугих напряженных мужских начал. Потом ее забила непроизвольная мелкая дрожь. Уже ставшая шнурком, нить наслаждения разбухла в канат и натянулась. Казалось, что слышно, как она гудит от напряжения. Разноцветные мужские органы плясали в глазах обезумевшей от наслаждения Ани. Не отдавая себе отчет в своих действиях, девушка, задышавшись, взсос целовала губы лежавшего под ней мужчины и совершенно невпопад, издавая крики наслаждения, извивалась под двумя умелыми партнерами.

Акт длился недолго, но в те минуты для Ани время прекратило свое существование. Ей казалось, что в ней двигаются уже не два, а один огромный толстый орган, и он вот-вот в ней взорвется. Она на миг замерла, снова бросила взгляд на убажывающего себя клиента, который, гулко зарывав, выплеснул белую мутную струю себе на руку и на живот, уставившись прямо ей в глаза.

Взбодренная реакцией клиента, девушка словно услышала звон рвущегося каната. Громко застонав, она задрожала во всепоглощающем оргазме, который сковал ее тело сладкой судорогой и волнами пробегал от кончиков пальцев ног до самого мозга. Был момент, когда ей показалось, что она умирает. Ее колотило между двух самцов, которые невозмутимо продолжали ее трахать, пока сами не излились двумя тягучими «потоками».

Аня в бессилии упала на кровать, и так лежала минут пятнадцать. Возможно, она потеряла сознание. Она этого не помнила. Когда девушка открыла глаза, мужчин не было. Клиент по-прежнему сидел в кресле и лениво курил сигару. Заметив, что Аня очнулась, он обратился к ней спокойным голосом, будто ничего и не происходило:

– Я так и думал, что тебе это понравится. Но главное! Это понравилось мне. Там деньги, – он кивнул в сторону прикроватного столика, – часть твоей конторе, а часть, сверху, это лично тебе. Если согласна раз-два в месяц приходить ко мне на подобные «посиделки», то я предлагаю тебе работу секретарем в одной из моих фирм, зарплатой не обижу.

Так Аня познала секс с двумя партнерами и все вытекающее из этого. По сути это была эволюция ее женского начала и повторная зрелость организма. Она еще не знала, что теперь ей будет этого не хватать.

Со следующего дня Аня больше не работала в эскорт-услугах. Теперь у нее были деньги на свою съемную квартиру и «нормальная» работа, а через несколько месяцев она познакомилась с Евгением, когда он приезжал к ним в офис заключать договор на поставку партии телевизоров.

Для чего было сделано это небольшое отступление? Как раз в тот день, когда изголодавшаяся женщина-врач «вероломно» воспользовалась добротой и «беспомощностью» Евгения и восседала на его члене, а он терзался душевными муками относительно своей девушки, Аня традиционно источала свои флюиды и сексуальную энергию в атмосферу чужой спальни и на чужие упругие «причиндалы». Само собой Евгений был не в курсе Аниного «невинного» хобби. А по причине его полного доверия к своей возлюбленной, аргумента, что она с девчонками была на дискотеке, Евгению вполне хватало. Он даже почти удовлетворял ее в постели, но немного не до конца, «ниточка» так и оставалась неразорванной. Но, как читатели уже поняли, все это с лихвой компенсировалось два раза в месяц, а играть роли Аня привыкла.

Когда она еще жила в Свердловске, она даже умудрилась втирать «очки» трем кавалерам одновременно. Одного она безмерно любила, - так она говорила второму, - но не могла с ним быть по какой-то абстрактной, понятной лишь ей самой, причине. Она любила и второго, но не могла быть и с ним, потому как не могла до конца расстаться с первым, - с которым тоже быть не могла. И в это же самое время, "несчастливая жертва высоких чувств" крутила шуры-муры с третьим. Такой вот любвеобильной девушкой была Аня. В общем, в результате она осталась сама с собой. А потом уехала в Ленинград, осваивать просторы Северной Пальмиры.

Утром Евгений проснулся слабым, но с ясной головой. Рана не болела, но и не выглядела утешительно. Краснота, к счастью, не расширилась, но вот сама царапина как будто распухла и выглядела свежей, так как не подсохла. Он посмотрел на часы – восемь утра. Лежащей рядом Ане пора было вставать на работу, сам же Евгений намеревался проверить электронную почту, и, если ответы на его предложения получены, нужно было сделать пару звонков клиентам и отправиться оформлять купчую на дом.

Евгений еще раз посмотрел на спящую Аню, мысленно задал себе вопрос: «Не заняться ли утренним сексом?», - но в голове почему-то тут же возник образ Натальи. Потом он подумал о том, что воплотить это будет не совсем удобно, потому что рана еще не зажила и он не хотел лишний раз ее бередить. Молодой человек склонился к лицу своей девушки, чтобы ласково разбудить ее поцелуем, от нее пахло табачным дымом и алкоголем. Обычно Евгений не обращал на это внимание, но сегодня этот запах казался особенно резким. Его даже затошнило. Отказавшись от своего намерения, он просто легонько потрепал ее по плечу, прошептав:

– Зая, пора вставать.

Аня лениво зашевелилась, ответив сонным голосом:

– Да-да, встаю.

Перевернувшись на спину и не открывая глаз, она добавила:

– Солнце, ты чайник не поставишь?

Евгений таки не сдержался, глядя на эту симпатичную нежную мордашку, чмокнул ее в губы и пошел ставить на плиту чайник. Через полчаса они сидели на кухне и завтракали.

Завтрак проходил практически в тишине, лишь звучащая из приемника музыка да бодрый голос ведущего радиопрограммы нарушали кухонную тишину. Евгений жевал тост с сыром и молча смотрел на Аню. Аня чувствовала его взгляд, но смотрела в чашку с кофе и делала вид, что ничего не замечает. Бодрый голос диктора, начал понемногу раздражать. «Этот принужденный баритон...» – думал Евгений, – он так старательно напрягает свои голосовые связки и так четко звучит... такое впечатление, что он сам балдеет от звука своего голоса». Ему представилась довольная физиономия ведущего в наушниках. Диктор сидит в студии, перед зеркалом, и смотрит на свое отражение, как грациозно шевелятся его губы, и с каждым движением из его ротовой полости вылетает баритонально-гладкая фраза, что вызывает в нем бурю положительных эмоций, вплоть до эрекции.

Молодому человеку вспомнился случайно подслушанный им в кафе разговор, который происходил между двумя, видимо, совсем недавно приехавшими из других городов студентами.

Как тогда показалось Евгению, один из студентов, на вид лет двадцати двух, будто бы немного заискивал перед другим. Тот – другой, имел бороду и, возможно поэтому, выглядел гораздо старше. Но, вероятнее всего, он действительно был старше, потому что разговаривал с видом некоторого превосходства над первым, с нерасторопностью, как бы смакуя фразы. Бородатый бросался витиеватыми словечками, которыми больше пользуются в политических и номенклатурных кругах.

Из контекста беседы Евгений понял, что у бородатого весьма непростые родители, он точно не помнил, то ли ученые, то ли преподаватели, но это не суть. Суть была в том, что когда разговор зашел о добыче денег, молодой поинтересовался, не хочет ли бородатый пойти подрабатывать ведущим на какую-нибудь радиостанцию? На что бородатый, все с тем же нехотя скрываемым высокомерием и, – до этого вопроса Евгений не обращал на это никакого внимания, – приятным баритоном заявил, что он готов продать свой голос, но весьма недешево. Евгений тогда подумал, что бородатый молодчик весьма самоуверен, ибо думает, будто это так легко – устроиться радиоведущим, да еще на своих условиях. Со слов бородатого можно было предположить, что все радиостанции страны стоят к нему в очередь, в надежде заполучить его «драгоценный» голос.

В общем, самодовольный «умник» вызвал в Евгении неприятные эмоции, потому и запомнился, и теперь, слушая радио, он вспомнил самоуверенно-самодовольного бородача, а потому и голос ведущего, вызвавший в нем эти воспоминания, начал раздражать.

– Как прошла дискотека? – вдруг спросил он Аню, причем неприязнь, вызванная диктором, явно отдалась в его голосе. Девушка вздрогнула и впервые за время их совместного проживания почувствовала себя неловко. Даже, скорее, это был испуг. Она посмотрела на Евгения. Его взгляд, раздраженный и, как ей сейчас показалось, с некоторым налетом безумия, был направлен прямо на нее. «Он точно все знает», – пронеслось у нее в голове. С губ же слетело:

– Как обычно. С девчонками потусили, выпили по коктейлю.

Слово «потусили» вызвало в душе молодого человека очередной всплеск раздражения, что не осталось незамеченным Аней. Она еще больше напряглась, стушевалась и решила, что он уж точно все узнал и врать бесполезно, однако снова произнесла:

– Но мне не очень понравилось в этот раз. Я вчера так устала на работе, что не до веселья было. У Германа Яковлевича сделка сорвалась, так он вчера на всех кидался, меня работой завалил. Пришлось даже на час после рабочего дня задержаться.

Она замолчала, ожидая реакции Евгения, и приготовилась к худшему развитию сценария. Тот продолжал молча смотреть на Аню, но думал сейчас не о ней. Евгений чувствовал, что рана снова разболелась, и к этой боли примешивалось какое-то новое, очень неприятное ощущение. Но, что это было, он не мог осознать до конца. На миг ему стало совсем нехорошо и молодой человек ощутил, как мороз пробежал у него по коже.

Воспользовавшись паузой и желая перевести разговор в другое русло, девушка спросила:

– А, как у тебя? Как дом? Понравился?

Это вывело Евгения из неприятного оцепенения.

– Да, – ответил он. – Дом – то, что надо. А особенно ступа на чердаке, – он нервно рассмеялся, вспомнив, как грохнул ее об пол.

– Какая ступа? – не поняла Аня.

– Да там... Одна ступа... – махнул рукой Евгений, смутившись этой нелепой фразы о ступе и спешно отведя взгляд в сторону. – Потом увидишь, – неохотно добавил он.

– А-а-а, – протянула Аня, делая вид, что поняла ход его мыслей.

Снова помолчали. Аня отпила из чашки и вернулась к разговорам:

– Так, ты что решил? Дом покупаешь?

Евгений посмотрел на нее взглядом, как смотрит врач психиатрической больницы на пациента.

– Я же сказал, что покупаю! - плохо скрывая раздражение, ответил он.

– Ты?! – глаза Ани округлились. – Ты не говорил!

С одной стороны, ее радовало, что Евгений отвлекся от темы дискотеки. С другой – ее очень настораживало сегодняшнее поведение ее молодого человека.

Евгений нахмурился. Он понял, что действительно только думал об этом, но не сказал вслух.

– Да, извини! Я что-то неважно себя чувствую сегодня, - ответил он, понизив тон.

– А я заметила, еще когда домой вернулась, ты был весь в поту и сон, видно, был у тебя беспокойный, – поспешила ответить Аня. – Я даже подумала, уж не заболел ли ты?

На кухне снова воцарилась тишина, нарушаемая звуком приемника. Девушка ждала реакции Евгения, но тот упорно молчал, помешивая ложечкой кофе. Аня не выдержала:

– Так, ты заболел? Дома сегодня остаешься?

Этот вопрос почему-то снова вызвал у него приступ раздражения. «Какая тебе разница, где я сегодня?!» – подумал он. Но ответил:

– Не-е! Какое: "заболел"? У меня еще дел сегодня невпроворот. Документы поеду на дом оформлять, плюс - по работе вопросы нужно решить.

– Понятно, – ответила Аня.

Посидев еще немного и постучав по столу кончиками ухоженных ногтей, не решаясь ничего добавить, она встала из-за стола.

– Ну... Я пошла..? – будто спрашивая разрешения, сказала она.

Евгений, в недоумении от вопросительного тона Ани, посмотрел на нее. Затем он встал и, подойдя к ней, крепко обнял:

– Конечно, иди! – ответил он, стараясь сделать это как можно более добрым голосом.

Понимая, что сегодня на редкость груб, молодой человек постарался смягчить обстановку. Он вполне осознавал, что не очень приятно идти на работу с испорченным с утра настроением.

– Вечером увидимся! – добавил он и поцеловал девушку в губы.

Она ответила взаимным поцелуем.

Когда дверь за Аней захлопнулась, Евгений снова был за столом.

Он сидел закрыв глаза, положив голову на руки, и думал, впервые за время проживания с Аней, что та от него что-то скрывает. Молодой человек сам не знал, с чего в нем вдруг поселилось это чувство? Но он его понял. Это чувство, которое примешалось к боли от пораненной ноги - чувство подозрения и недоверия.

К глубокому сожалению Евгения, части планов, намеченных на сегодня, не суждено было свершиться. Обе сделки затягивались. Одни клиенты тянули с подписанием договора, другие никак не могли осуществить оплату заказа. Все снова откладывалось на завтра. Ко всему перечисленному у него снова поднялась температура. Пришлось внепланово ехать к знакомому врачу.

В свежем костюме, источая запах терпкого парфюма, Евгений вышел из подъезда и с удовольствием вдохнул поток свежего воздуха. Тяжелая голова немного прояснилась и рана как будто стала болеть меньше. Насвистывая какую-то, лишь ему одному известную мелодию, молодой человек плюхнулся за руль автомобиля. Кожаное кресло с удовлетворенным скрипом приняло его тело. Лихо вырулив на проезжую часть, Евгений помчался к Сереге, знакомому хирургу одной частной больницы.

Евгений знал Серегу с детства. Не то, чтобы они были закадычными друзьями, что подразумевает - друг за друга и в огонь, и в воду. Но были очень дружны.

Почти у каждого есть такие друзья детства. Ведь именно с ними можно в любой момент, даже если не виделись десять лет и внезапно встретились, начать болтать на самые неожиданные темы, вплоть до глубоко интимных. Чего не скажешь о новоиспеченных знакомых, кото-

рые появились уже в более взрослом возрасте, лет эдак в двадцать. Такой человек, возможно, будет тебе близок, но до определенной черты. А по-другому и не может быть. Ведь именно с Серегой они первый раз попробовали курить, набрав окурков и спрятавшись под мостом, - кстати, курить не понравилось, но зато почувствовали себя взрослыми. Хулиганили на лестничных площадках: звонили в двери соседям и убегали, поджигали целлулоидную «дымовуху» в лифте, - не думая о том, что они же сами или их родители этим лифтом вынуждены будут пользоваться, - устраивали в подъезде «гром и молнию» с помощью металлических крышек от ведер для пищевых отходов, которые стояли возле каждого мусоропровода. Хулиганская выходка заключалась в том, чтобы аккуратно установить крышку на лестницу, прислонив ребром к решетке перил, чтобы крышка еле-еле касалась решетки. И так на каждом этаже, где был бак с отходами. Затем нужно было спуститься на первый этаж и со всей силы пнуть перила, вибрация по перилам передавалась до самого верхнего этажа, ненадежно установленные крышки срывались со своего места и с грохотом катились по ступенькам вниз, наполняя металлическим шумом пространство подъезда. Тогда с гоготом нужно было бежать на улицу, пока никто не поймал. Хорошо, если никто не входил в это время в подъезд, иначе могли и за уши оттащить. В общем, Серега был человеком, к которому Евгений мог придти с любым делом или разговором, чтобы обсудить наболевшее.

Евгений вошел в кабинет. За столом сидел солидного вида мужчина, уже начавший лысеть. Мужчина был одет в белый халат, как и полагается персоналу лечебных заведений, на носу красовались дорогие очки в тонкой золоченой оправе. Он посмотрел на Евгения, его глаза озорно прищурились все в той же детской хитрой улыбке. Он встал из-за стола и радостно устремился к Евгению.

– Женька! Давно тебя не видел! – приговаривал он, тряся руку старого приятеля в твердом рукопожатии. – Чего в гости не заезжаешь?

– Серега, да времени нет, – не скрывая радости и одновременно извиняясь, отвечал Евгений. – Работа, дела. Вот, домик решил прикупить.

– Домик?! – живо заинтересовался Сергей. – Где? Хороший дом?

Евгений начал было рассказывать, но Сергей прервал его:

– Подожди, я сейчас кофе сделаю. Будешь кофе?

– Не откажусь.

Сергей усадил друга на диванчик, стоящий у стены слева. И принялся варганить кофе. Пока он готовил, Евгений рассказал ему о своей неожиданной находке - домике детских грез, и о связанных с ним зловещих, собственно, почему он сейчас и сидел у Сергея. Тот выслушал его с интересом.

– Странно, я думал ты где-нибудь на юге себе каменный дом обустроишь. При твоей-то любви к изыскам и роскоши!

– На юге-то оно - на юге, – ответил Евгений, – но тут совсем другое. Тут лес, река, сказка, теремок... Понимаешь?

– Отчасти. Я понимаю, что тебе понравился народный колорит, но ты же сам сказал, что там нет ни электричества, ни даже бани.

– Не беда! Баню поставлю. С электричеством, думаю, вопрос тоже можно решить.

– Решить-то можно, но как только ты это сделаешь, вся твоя идея пойдет «одним местом». Понимаешь?

Евгений начал догадываться, куда клонит старый приятель.

– Весь твой колорит сразу улетучится, – продолжил Сергей.

– Ну да. Ты прав, – согласился Евгений.

– Так что ты подумай еще раз: отдаешь деньги только за народный колорит, или вкладываешь еще денег, делаешь удобства и нарушаешь весь ансамбль. Но тогда какой смысл в приобретении этого дома?

– Да-да. Я об этом сразу не подумал, – хмурясь, ответил Евгений.

– И дорого? – поинтересовался Сергей.

Евгений назвал цену. На что тот усмехнулся.

– Женька, да это же копейки! В таком случае и думать нечего. Если это твоя мечта, то бери. Это почти то же самое, что купить игрушку, о которой мечтал в детстве.

– Думаешь? – отозвался Евгений, который привык считать каждую копейку и выгоду с каждой вложенной копейки.

– Жень, ты не создаешь впечатление человека, который испытывает постоянную нехватку в деньгах. Не жмись на себе! Тем более, там ступа! – Сергей хитро улыбнулся. – Может, к ней еще и симпатичная Бабка-Ежка прилагается?

Стоило Евгению услышать эти слова, как перед его глазами возник образ Любы:

– Ага, есть одна, – усмехнувшись, ответил он.

– Ну вот - тем более! А кстати. Ты так и живешь с той девушкой? Извини, забыл как ее зовут.

– С Аней?

– Да, точно - с Аней.

– Живу, – несколько холодно ответил Евгений.

– Жениться не собираетесь? Или детей заводить?

– Не знаю пока, – задумчиво ответил Евгений. – Сказать по правде, я не готов еще ни к женитьбе, ни к детям.

Сергей снова усмехнулся:

– Так, тебе уже сколько лет-то? Ведь не мальчик! Или хочешь, чтобы у детей папа и дедушка были в одном лице.

– Об этом не думал, – признался Евгений. – Но реально, пока не представляю себя в роли отца. Мне кажется, что детей нужно захотеть, чтобы их заводить. А так... Просто потому, что надо... Не хочется. Да и тем более - кому надо? Родителям? Родственникам? Друзьям? Надо, чтобы говорили: «У него жена, дети...». Серега, я тебя умоляю! Никому это не нужно!

– Ну, не скажи! Тут я с тобой не согласен. А род продолжить? Тем более начинаешь понимать, что дети нужны, когда они у тебя появляются. Я, например, тоже не сразу это понял. Только года через три после рождения дочери, – он улыбнулся.

– Хорошо, что ты это понял. А вдруг я не пойму? Получится, что ребенок был рожден напрасно. Да и продолжение рода, кому оно нужно? Нужен ли твой род на этой земле, это большой вопрос. Скорее, это нужно нашему самолюбию: от жадности, что после смерти тут некому будет заполнять пространство вместо нас.

– А ты, Женька, злой! – ответил Сергей. – Да и как ребенок может быть напрасным? Подумай, какие страшные слова ты говоришь!

– Страшные? – отозвался Евгений. – Не знаю, не знаю. По-моему, все относительно. Если посмотреть глобально, то, по-моему, лучше вообще не иметь детей, если они тебе в тягость. Ты говоришь, что детей напрасных быть не может. А посмотри, сколько их голодающих и беспризорных, они ведь и есть - напрасные. И хорошо, если вырастут хорошими людьми, а не пополнят ряды преступников и наркоманов.

Сергей хотел было возразить, но Евгений прервал его.

– Так ты посмотришь мою ногу? Да и там наверняка тебя уже пациенты ждут.

После осмотра раны Сергей сказал, что внешне воспаление не прогрессирует. Температура может держаться в любом случае, но вот странно, что рана не подсохла. Он выписал Евгению какие-то лекарства и порекомендовал оставаться дома, пока температура не спадет. Евгений согласился оставаться дома, однако решил это сделать лишь после оформления документов. Сердечно попрощавшись, уговорились как-нибудь встретиться.

После общения с приятелем Евгений почувствовал себя лучше. Был полдень. Прикинув, сколько потребуется времени на дорогу и на все бумажные дела, он решил, что если поторопится, то все успеет. Не хотелось снова откладывать все в долгий ящик. Тем более, все равно работа на сегодня уже сорвалась, и чтобы на завтра уже не думать о других делах, кроме как о работе.

Нарушая правила дорожного движения и нещадно превышая дозволенную скорость, через час Евгений уже находился в райисполкоме. Оформление всех бумаг требовало недельного срока, но, к удивлению Евгения, ему в тот же день выдали документ, с которым он мог обратиться к председателю Заречья, - так называлась деревня, где он был вчера, - чтобы получить ключи от дома. Еще через полчаса Евгений находился у дома Натальи, в надежде, что она проводит его к председателю.

Увидев на пороге вчерашнего «пациента», Наталья покраснела, а между ног женщины сделалось заметно влажно. Решив, что Евгений приехал непосредственно к ней, за «добавкой» ко вчерашним утехам, она быстро прокрутила в голове возможные действия: оставить его на кухне пить чай, а самой по-быстрому привести себя в порядок, подмыться и прочее.

– Входи, – негромко сказала она, сделав шаг в сторону, давая Евгению проход в дом.

На что тот вежливо отказался, пообещав непременно навестить ее в другой раз и пояснив, что ему срочно нужен председатель. В ответ на это в Наталье моментально начала восставать стерва, которую, однако, ей удалось подавить. Наскоро заперев дом, она села к Евгению в машину, и они поехали к председателю.

В тот день по деревне поползли слухи, что у Наташки появился новый городской хахаль.

Они остановились у дома, возле которого вчера он чуть не сбил Любу. Дом председателя оказался через дорогу, напротив Любиного дома. Егор Кузьмич, так звали председателя Заречья, жил в большом двухэтажном доме, обитым мореной вагонкой. Это был невысокий, коренастый мужчина, лет пятидесяти, с открытым честным лицом и большими руками. Одет Егор Кузьмич был в старую милицескую рубашку и милицеские форменные брюки, заправленные в подвернутые кирзовые сапоги. Прочитав бумагу из райисполкома, он с интересом оглядел Евгения, усмехнулся и присовокупил фразу:

– Новый жилец, значит?

– Ну, не совсем жилец, но иногда жить буду, – ответил Евгений, чувствуя себя неловко, как и любой новосел среди старожилов.

Егор Кузьмич скрылся в доме и через пару минут вернулся с единственным ключом, с привязанным к нему, вместо брелока, кусочком бинта.

– Вот, держи, – передал он ключ Евгению. – Знаешь дорогу к дому?

– Знаю только с этой стороны речки. Палыч сказал, что там дальше мост есть.

Председатель усмехнулся:

– Мост-то есть, только ты через него на машине не проедешь. Тут либо вброд перебираться, либо по объездной ехать. Там нормальный мост есть, но это километров пятнадцать будет.

– Лучше по объездной, заодно дорогу узнаю.

– Ну, брат, сегодня я тебе ничем не помогу, времени нет. Разве, Наталья тебе дорогу покажет? – он кивнул на стоящую рядом Наталью.

Но стерва в Наталье сделала свое дело. Хотя в чем-то, да нужно было досадить несговорчивому мужчине, и, сославшись на дела в медпункте, она отклонила предложение председателя.

– Я покажу дорогу, – раздался позади приятный женский голос.

Евгений обернулся. За забором, облокотившись на штакетник, стояла улыбающаяся Люба.

– Эт только кажется, что пятнадцать километров - далеко, – продолжила она. – А на самом деле, за разговорами пути не заметишь. – Девушка подмигнула Евгению.

От Любиного бодрого и звонкого голоса, Евгений и сам как-то сразу почувствовал себя бодрее. Он не понял, в интонации ли было дело, или в том, что фразу произнесла та самая девушка, которая вчера заставила его приятно волноваться. Вчера Люба всем своим видом создала впечатление здоровой и энергичной, а сегодня Евгений заметил это и в ее голосе. Он стоял и пялился на нее во все глаза, не отдавая себе отчета в том, что в данный момент он выглядит как полный придурок, а на его лице растянулась идиотская улыбка. Зато это заметила сама Люба, что вызвало в ней чувство самоудовлетворения: «Ну вот, еще один клюнул», – довольно подумала она, и перед ее глазами сумбурно промелькнули образы всех ее местных и районных поклонников.

Вид Евгения также немало озаботил Наталью, которая и без того недолюбливала пронырливую «вертихвостку Любку», которая, – в чем была уверена женщина, – конечно же, в отличие от нее – Натальи, ни в коем случае не сможет сделать хорошего минета ни одному из своих хахалей, среди которых, конечно же, нет ни одного настоящего мужчины. Чувство ревности, граничащее с соперничеством, разыгралось в ней, и она тут же выпалила в ответ:

– За разговорами?! – передразнила она Любу. – А «говорилка» не порвется?

Ко всему прочему «масла в огонь» добавило чувство досады, что она только что отказалась, – из вредности отказалась, – проводить молодого человека и теперь уже никак не могла найти повод переиграть свой отказ. Поэтому больше злилась на себя саму.

– А ты, Наталья, за мою «говорилку» не переживай, она у меня привычная. – Парировала Люба все тем же бодрым голосом. – Ты о своей беспокойся, там уже, поди, паутиной все поросло, от "частого" использования, ядовито добавила она.

Последняя фраза совершенно вывела Наталью из себя. Кровь прилила к ее щекам, глаза загорелись, в эти секунды она настолько преобразилась, что Евгений не ошибся бы, назвав ее красавицей. Казалось, она сейчас набросится и разорвет в клочья молодую хамку. Все это вернуло Евгения к реальности. Он с интересом и готовностью разнимать всплывших красоток, наблюдал за ними, переводя взгляд с одной на другую. Егор Кузьмич умудрено держал усмешку на губах и, сложив на груди руки, с видом человека знающего, чем закончится весь этот «концерт», молча смотрел на перепалку двух красивых фурий.

Евгений ждал крика из уст местного врача, и ему даже стало как-то за нее немного стыдно. Вроде, взрослая городская женщина, образованная. Но ожидание не оправдалось. Вместо крика Наталья тихим, но злобным голосом ответила:

– А ты меня не подкалывай! Ты еще сиколка! Ты, что ли, мне паутину счищать будешь?!

Женщину трясло от гнева, но она сдерживалась. Люба, в ответ, смотрела ей прямо в глаза и продолжала улыбаться.

– Посмотрим еще, как твоя судьба сложится! – закончила Наталья и, ни с кем не попрощавшись, быстро вышла из калитки и скрылась за кустарником сирени.

Люба проводила ее глазами, крикнув ей в след:

– Как сложится, так и сложится! Может, тебя от паутины избавлю!

И она снова посмотрела на Евгения.

– Ну, так что? Едем?

– Да, конечно! – пораженный неожиданной сценой, ответил Евгений.

– Ну, вот и отлично! – раздался голос председателя, он продолжал улыбаться. – Тебе и проводница нашлась!

Поблагодарив Егора Кузьмича за ключ, Евгений направился к автомобилю и, учтиво отворив перед девушкой пассажирскую дверь, помог Любе залезть в кабину. Затем сам занял место за рулем. Он завел двигатель и уже собирался ехать, когда к машине подошел председатель.

– Ты зря так с ней! – сказал он Любе. – Она хоть и вредная бывает, но ей много горя пришлось пережить!

– Я знаю, просто ничего не могу с собой поделать, – спокойно ответила девушка.

Автомобиль тронулся.

Сначала они ехали в полной тишине, лишь звук колес, шуршащих по проселочной дороге, нарушал тишину. Как ни странно, но на этот раз на дороге ни одной пустолайки не «материализовалось» и никто с гавканьем не бросался под колеса. Когда выезжали из деревни, на встречу попался Палыч. К нему дел никаких не было, но из вежливости Евгений остановил внедорожник, вежливо поздоровался, поинтересовался, все ли у того в порядке и забрал ли он вчера лодку. На что тот махнул рукой, сказав, что в его годы не может быть что-то в порядке или не в порядке, все равно, а лодку, конечно же, забрал, потому как оставлять ее на ночь нельзя, иначе русалки утащат. Сказав последнюю фразу, лесник хитро усмехнулся и полез в карман за самокруткой, вероятно, рассчитывая на продолжение диалога. Евгений это смекнул и, пока тот не успел засыпать в клочок газеты щепотку самосада, быстро пояснил, что он торопится. Палыча это нисколько не смутило, привычными движениями пальцев он быстро упаковал сигарку и вот она уже у него дымится во рту, а он деловито сплевывает, прилипшие к губам крошки табака. Евгений уже переключил скорость и собрался тронуться, когда лесник бросил взгляд на пассажира и, узнав Любу, снова хитро усмехнулся:

– Что, на новое жилье с новой гостьей?

– Да нет, – сдерживая раздражение, ответил Евгений, – проводница.

И, чтобы не дать раздражению почвы для роста, он так надавил на газ и, подняв прокрутившимися колесами клубы пыли, покинул деревню.

Евгений еще никого из местных-то не знал, и в деревне-то был всего два раза - проездом, однако любознательность и навязчивое внимание местных к своей персоне уже начали надоедать и порядком бесить. Он вырулил на большак и, как указала Люба, повернул направо, в сторону, противоположную городу. Пока ехал, то боковым зрением видел, что Люба смотрит на него и, вероятно, хочет с ним заговорить.

– Вы что-то хотите спросить? – начал он, дабы дать старт беседе.

– Вас местные раздражают? – просто спросила девушка, с той же улыбкой, какую «надела» стоя у калитки.

Евгений посмотрел на нее, и некоторое время ехал молча, обдумывая ответ. Сказать ли правду или дипломатично солгать? Трезво оценив свое положение и одиноко стоящий в лесу домик, который, кстати, подвержен внезапному пожару, он выбрал второй вариант.

– А с чего бы им меня раздражать? – удивленно спросил он. – Я ведь у Вас в деревне-то и не был почти, и никого пока не знаю.

Он снова бросил взгляд на Любу. Взгляд машинально скользнул по ее обнаженным бедрам, торчащим из-под короткого платица, разрез между полами которого, совершенно бесстыдно обнажал их внутреннюю часть почти до самого «укромного места». Девушка это заметила, тоже взглянула на свои бедра, потом на Евгения, в ее глазах загорелись хитрые огоньки. Евгений смутился, но, сделав вид, что ничего не заметил, отвел взгляд на дорогу.

– Ну да, почти никого, кроме Наташки, – ответила Люба заговорщицким тоном. – Вы же у нее вчера были?!

И она пристально посмотрела на него в ожидании реакции, которую, видимо, ожидала вызвать в деловом дачнике, показав свою осведомленность. Евгения покорило, создалось впечатление, что она все знает. Но, откуда?! Не подав вида, что ее слова как-то повлияли на него, он ответил:

– Да, был. Нogu вчера поранил, а она мне первую помощь оказала.

– А-а-а, первую помощь?! – протянула высоким голосом Люба. – Это теперь так называется? Понятно!

Тут она отвлеклась от напрягающей Евгения темы и сказала, что на следующем перекрестке поворот налево. Они свернули на грунтовую дорогу и, проехав метров двести, Евгений увидел пересекающий реку мост, выложенный из бетонных плит.

Пока пересекали реку, молодой человек воспользовался паузой, чтобы сменить тему разговора и спросил, сколько его спутнице лет. Как поступило бы большинство женщин, та сказала, что это невежливо, спрашивать у девушек о их возрасте, однако сообщила, что ей двадцать четыре.

– А родилась здесь же? В деревне? – продолжил расспросы Евгений.

– Нет, я родилась в Новосибирске, но, когда мне всего год был, отец умер. Потом мама вышла замуж, и мы сюда переехали, – ответила Люба. – Отчим был военным и его сюда перевели. Пока служил, жили в местном военном городке, а потом, – когда он вышел на пенсию, – вот, в деревню переехали.

Дальше она сама рассказала, как после окончания школы поехала в Ленинград, поступила в Институт ветеринарной биологии, хотя хотела поступить в медицинский. Но отчим настоял именно на ветеринарном. Легко догадаться, что учеба не задалась.

Любому ясно, если заставляют изучать то, к чему душа не лежит, то из этого мало чего хорошего выйдет. А душа не лежит в основном к тому, к чему нет особых способностей. Потому-то в наши дни все меньше и меньше хороших специалистов в разных областях медицины, и не только. Старые специалисты уходят на пенсию и из этого мира, а молодые, – в большинстве своем, – учатся только ради диплома, да еще зачастую и получают его не за знания, а за деньги. Понятно, к чему приводит ситуация, если человек «садится не в свои сани»: «сани» начинают прогнивать и разваливаться.

В общем, институт Люба не закончила и, еще год промаявшись в Ленинграде, вернулась в деревню. Родители надеялись, что там она найдет себе достойного спутника жизни, – с квартирой конечно, – но спутник не нашелся. Повзрослевшую дочь офицера, – с некими открывшимися у нее «талантами», о которых будет сказано позже, – дома терпели недолго и, наконец, выкупив освободившийся в деревне дом, отселили от «семейного очага».

Пока Люба рассказывала Евгению свою историю, они уже успели свернуть в лес и ехали параллельно реке. Русло проходило по левую руку. Дорога виляла: то выходила почти к самому береговому откосу, то вновь углублялась в лес. В одном месте расстояние между деревьями и береговой линией было настолько узким, что Евгений серьезно опасался, как бы машина не опрокинулась в реку. Колеса проехали практически по самому краю, где грунт обрывался и начинался песчаный откос. Место было действительно опасным, и если бы песок в этом месте основательно подмыло, то запросто мог случиться оползень. На одном из участков пути, где дорога углубилась в лес, Люба попросила остановиться. Евгений остановился и заглушил мотор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.